

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**АККОРДЫ
ОПУСТОШЕННОСТИ**

2015

Оглавление

Пролог.....	5
Глава 1.....	7
Глава 2.....	10
Глава 3.....	11
Глава 4.....	12
Глава 5.....	15
Глава 6.....	16
Глава 7.....	18
Глава 8.....	21
Глава 8.....	22
Глава 9.....	24
Глава 10.....	24
Глава 11.....	27
Глава 12.....	28
Глава 13.....	31
Глава 14.....	33
Глава 15.....	36
Глава 16.....	40
Глава 17.....	42
Глава 18.....	45
Глава 19.....	47
Глава 20.....	51
Глава 21.....	53
Глава 22.....	54
Глава 23.....	57
Глава 24.....	61
Глава 25.....	63
Глава 26.....	65
Глава 27.....	66
Глава 28.....	68
Глава 29.....	72
Глава 30.....	73
Глава 31.....	75
Глава 32.....	75

С. А. Зелинский

Аккорды опустошенности. Роман.

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

С.А.

Зелинский

Аккорды опустошенности

2015

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ
«АККОРДЫ ОПУСТОШЕННОСТИ». РОМАН.

роман

Аккорды опустошенности

Пролог

Жизнь, конечно же, намного многообразней, чем любая, даже самая смелая фантазия. И об этом следует помнить. А потому, если нечто вызывает сейчас в вас какие-то неприятные чувства, уверяю вас что это совсем ничто в сравнении с тем, что могло бы произойти; ибо то, что может произойти (но пока не произошло), конечно же много меньше того что происходит сейчас. Да и, по сути, любая скорбь лишь укрепляет человека. И слова Ницше, то, что нас не убивает – делает сильнее, тут как никакие иные придутся весьма кстати. «Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревьев; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня... собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих - разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня...». (Еккл.2:4-9).

Конечно, всегда и везде проблема денег. Полное наличие их способно покрыть все проблемы в межличностных отношениях. У каждого свои запросы. Формирование запросов вызвано пройденным опытом жизни в социуме. Отчасти влияют на это и определенные привычки, хотя, опять же, сами привычки формируются в процессе социализации. За всю свою жизнь я могу сделать единый вывод – если бы случилось такое, что была бы у меня безлимитная банковская карта – можно было бы решать любые проблемы еще до их возникновения.

Что такое отсутствие денег? Это мысли о вас со стороны других в пользу вашей несостоятельности. За финансовой несостоятельностью тотчас же напрашивается мысль и о вашей вообще несостоятельности. Тогда как наличие денег – благо и жизнь вечная при жизни. «И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это дар Божий». (Еккл.5:18).

Если нет у вас денег – вы и на самом деле весьма ограничены во всем. Понятно, что жадность человеческая безгранична, и потакать ей – значит обрекать себя на нищету, ибо если

встретится вам женщина, любящая деньги, то она уже ни перед чем не остановится, дабы получить все что можно от вас. Это верно. Но если поставить вопрос иначе. Если предположить что вы разумно ограничиваете пристрастия спутницы своей. И если видите, что безумство трат заходит у нее через край – следует ввести четкие ограничения, о чем сказать ей. Если же пускается в хитрости и обман – лучше расстаньтесь сразу, чтобы после не было излишних мучений душевных.

В моей жизни всегда случалось так, что я видел, когда именно отсутствие денег провоцировало последующие скандалы, заканчивающиеся охлаждением ко мне женских чувств. Да, понятно, что изначально выбирал я не излишне избалованных, а потому вопрос о деньгах стоял весьма может даже и условно, ведь все познается в сравнении. Но хотелось бы мне уберечь любого от того, чтобы он сразу потакал всем желаниям женским, ибо женщина это просто человек, а любой человек – весьма слаб и падок на слабости и халяву. Это как бы в природе человека заложено уже. Кто-то умеет с этим бороться. Кто-то идет на поводу. Кто-то, закусив удила на время, ждет момента, чтобы отпустить их и пуститься в бесчинства, награждая себя за время вынужденного поста. Всякое бывает в жизни. Но почти верно одно – если вы изначально дадите себе возможность проверить женщину, а ей предоставите возможность проверить себя (чтобы она проверила себя), и увидите, что с честью выдержала она период безденежья, то в этом случае можете слегка ослабить поводья, и дать спутнице своей вкусить земные блага; однако тут важно не переборщить и знать меру, чтобы вовремя затянуть поясок, когда почувствуете что еще немного, и испортится женщина ваша. Ибо портятся люди всегда (или сразу или со временем) если не ограничивают себя.

Жизнь вообще единое ограничение. Только это является вообще залогом жизни. Недаром христианская религия выдержана в духе порой исключительного аскетства. И это ведь не просто так. Думаете, бедные были все и несчастные? Нет. Бывали и очень богатые послушники, которые раздавали все богатства земные и нищими шли в монастыри, чтобы получить жизнь вечную. Еще при жизни получить, потому что никто никогда бы не выдержал жить на земле и мучиться да страдать душевно. Самое страшное это душевное страдание. В этих страданиях случаются самоубийства (страшный грех по церковным правилам; самоубийств не отпевают). В этих состояниях человек становится не сам собой, а превращается в объект для манипулирования со стороны других. Ибо природа наша такова, что если почувствуют вашу слабость – загрызут. Поэтому-то человек инстинктивно и тянется к сильным. Сильному подчиняются, с сильного берут пример, сильного подсознательно хотят сместить, чтобы стать на его место, потому что сильный вызывает одновременно и страх и зависть. А значит, если оступится он – воспользуется этим ближний. К сожалению.

Глава 1

Странное было чувство. С периодичностью оно преследовало меня всю жизнь. Это чувство наверное должен испытывать каждый писатель, поэт или художник, при наступлении которого он начинает творить. Творить, чтобы выплеснуть на бумагу или мольберт все то безумие, которое взлохмаченным вихрем взметалось в его душе, закручиваясь в клубок, и не давая покоя начинало проноситься внутри, толкая или на безумство, или на депрессию, в зависимости – будет ли выход этому чувству наружу. Это необходимо. Необходимо настолько, что я совсем не мог от этого отказаться. И мне становилось невероятно приятно, когда приходило убеждение, что это действительно так. И что совсем ничего не нужно было менять. Совсем ничего. Равно как и пытаться убеждать себя в чем-то совсем ином. (Что наверняка бы уже и вовсе противоречило происходящему. Тому, что было в реальности. Тому, отчего я теперь совсем не мог отказаться.)

Я не верил, что это все будет продолжаться слишком долго. Мне казалось, что в любой момент оно может закончиться. И сколько я не буду убеждать себя в обратном, ничего больше не произойдет. Не произойдет другого. Того, о чем я даже никогда бы и не мог подумать. Но что в реальности - существует. Существовало. Будет существовать.

Нелепым и необъяснимым мне казалось то, что происходило со мной. Конечно, справедливости ради стоило заметить, что то, что я на самом деле ждал от судьбы (если допустить, конечно, что я вообще от нее что-то ждал), ни шло ни в какое сравнение с тем, что было на самом деле. Потому что, если между нами еще и могло что-либо получиться (хотя сомневаюсь что именно), то это уж наверняка - должно было быть что-то эксклюзивное и занимательное. По меньшей мере, занимательное.

Но на самом деле... На самом деле реально я ни на что не надеялся. Потому что надежда моя была сродни возникновению чего-то странного, и даже неестественного. Чего наверняка могло бы и не быть. Или что было, но я при этом как бы упускал из вида, что это было. И насколько я понимал... И насколько я смог бы объяснить себе, что это было что-нибудь действительно необходимое мне. Без чего...

--А может быть этого не было?-- я посмотрел на себя в зеркальном отражении. Мне не совсем понравилось выражение собственного лица в минуты раздумий. Уж как-то слишком удивительно (даже подозрительно) оно преображалось. И становилось понятно, что это лицо насколько в действительности не отражает того, о чем я думал. Словно бы душа и физиономия имели разных хозяев. А мозг тогда уже - имел хозяина какого-то третьего. И это уже было настолько странным, что я опешил и задумался. Ну, или сначала задумался. И опешил уже, в том числе, и от этого.

И у меня появился даже какой-то интерес к тому, чтобы выяснить: что бы все значило? Насколько было оправданным мое предположение о том, что руководство своей судьбой - можно было переложить на кого-то иного. Так, чтобы уже совсем не задумываться в том, что происходит. Так, чтобы хотя бы на миг перестать контролировать ситуацию. Явив хоть какую-нибудь - бесконтрольность.

И уже если допустить, что это возможно - тогда совсем вроде как и не за что переживать. И даже надеяться на что-то хорошее. Что наверняка еще будет. Не могла же быть сейчас в душе одна гадость. Не могла. Такого не могло быть. Ну, хотя бы потому, что, по сути, не могло быть никогда.

Сколько бы я, интересно, мог выдержать, не обращая внимания на то, что со мной происходит что-то забавное, интересное, а то и странное?.. Отчего я становлюсь нервным и раздражительным; отчего в моей душе назревает беспокойство; отчего я путаюсь порой в самых простейших вещах; а от чего-то раннее любимого и радостного - получаю теперь совсем обратный эффект. Эффект невосполнимой потери. При этом теряюсь уже от этого, не зная как реагировать на самые простейшие вещи. А ставить более-менее реальные цели и вовсе бесполезно. Потому что они только кажутся таковыми. И совсем не являются на самом деле удивительными и занимательными.

И больше у меня нет такого ощущения. А я... А я даже не способен сказать, как себя чувствую. Кем себя ощущаю. Как будто и никем. Потому что, наверное, теряется мое ощущение - себя -- прежнего. Так, как будто я попал в какую-то трясиину. И если пойду по ней дальше, будет это и вовсе недоразумением. А то, что мне в итоге удастся выбраться - покажется странным и даже немного неосуществимым. Да и невозможным, наверное. И я не верю, что это будет когда-нибудь возможно. Что это должно быть возможным. Наверняка - невозможно. Наверняка. И я уже совсем в это не верю. Совсем. Потому что... Да быть может и потому, что я уже и не знаю во что мне верить. Да и не пытаюсь, по сути. Понимая, что это мне может и не нужно. Зачем? Действительно не нужно. Да. Не нужно. И даже странно становится от всего этого. Странно настолько, что я еще какое-то время слежу за происходящим. Но не улавливаю сути. Словно той и нет. Тогда как подозреваю, что она-то как раз и есть. Конечно же есть. А иначе и быть невозможно.

Можно предположить, что я не любил простоту. Но ведь и сильно усложнял что-то я только тогда, когда мог себе это позволить. А позволял себе зачастую слишком часто на начальном этапе осмысления жизни. Это уже только недавно я понял, что негоже так загонять себя. Что есть и другие обязательные задачи, которые попросту необходимо выполнять. Хотя бы те же знания. Ведь так получалось, что, постоянно, как будто бы, стремившись к знаниям, я упустил вопрос

документального засвидетельствования их. И так выходило, что меня это в последнее время начинало беспокоить.

А еще я понял, что слишком заигрался с друзьями, большинство из которых оказались настолько мнимыми, что, расставшись с ними, я почти тут же о них забыл. Кстати, я чувствовал себя в последнее время заметно лучше и в психологическом плане. Как бы понимая, что какие-то победы в жизни все же одерживаю.

И в итоге мне становилось свободнее дышать. И - идти вперед. Ведь я все время шел вперед. Даже если видел, что кто-то удивительным образом сдерживает меня, я не расслаблялся, и шагал...

Шагая по жизни, я все реже старался оглядываться по сторонам, и тем более оборачиваться назад. Так выходило, что я понял, что излишнее оглядывание забирает слишком много сил. И часто как раз тех сил, которые могли понадобиться в будущем.

Как минимум два периода было в моей жизни. Обозначенные периоды отличались друг от друга. В одном из них я был относительно молод. Это был тот период, в осознании которого у меня была вполне осознаваемая фора. Я мог при случае все списать на детство. И в чем-то был прав. Но было и одно «но». Именно этот период был главным. Как раз из-за того, что как раз в нем получило свое зарождение то, что потом висело надо мной проклятием. Тем проклятием, от которого невозможно было избавиться. Да даже если бы и захотелось, совсем ничего нельзя было бы с этим поделать. Прошлое существовало даже независимо от того, хотел я того или нет. И уж, конечно же, независимо от того, что я об этом думал. Оно существовало совсем независимо от каких-либо мыслей о нем. Существовало просто само по себе. И с ним как минимум необходимо было считаться.

Я подозревал, что это прошлое еще скажет свое слово. Даже сейчас то, о чем оно только шептало, приводило меня к ощущению безысходности. Той самой безысходности, когда совсем не хотелось жить.

Но я жил. Я жил, потому что должен был разобраться со всем происходящим. Я задумался. Думать приходилось и раньше. Можно было даже сказать, что я только и делал в своей жизни - что думал. Я даже работу выбрал такую - чтобы думать. А если не думать - зачем жить? Но это так. К слову. На самом деле, если не думать - то можно попасть в ловушку. И только из-за того, что кто-то что-то продумал лучше, чем ты. Поэтому я думал всегда.

Глава 2

Наверное раньше было время, когда я смог бы что-то предотвратить. Впрочем, нет. Наступление чего-то и не мог. Все должно было произойти независимо от меня. И какое-то желание или нежелание не требовалось. Но вот так получалось, что просто раньше мне многое было под силу. (Ну, по крайней мере, сейчас я могу себя этим тешить). Но тогда как же все было на самом деле? Ведь получается, что это непременно важно для меня. Очень важно. Ну как будто я могу действительно решить, что что-то мог сделать. А если бы смог?!

Сколько раз... Сколько раз я мучительно понимал, что мне уже не дано вернуться. Но сколько раз, постоянно ломая в себе что-то - я возвращался. Я настойчиво стремился туда, где только начиналось то, во власти которого я находился теперь. Теперь уже конечно теперь. Но тогда. Вот бы мне тогда успеть как-то по иному взглянуть на что-то. Вот бы мне тогда успеть задержать, остановить, пойти совсем по другому пути. Пусть такому же ошибочному, но может быть это не был ошибочный путь. Может все еще могло получиться иначе, с совсем иным результатом.

Но я все время хотел убежать от судьбы. Избежать ее. Избежать всего того, что было загадано изначально. Загадано существованием чего-то невидимого и неизведанного. Существование которого невидимо нам. А отчего так происходит – для нас непонятно.

И наверное ничего на самом деле нельзя было поделаться. Ну, по крайней мере, я не мог. И даже если бы очень того захотел – не смог бы все равно. Ибо существует нечто, в тайну которого нам не дано вторгаться. И уже точно не будет ничего, что стало бы понятно мне. Так выходило. И я ничего не смог с этим поделаться. Да может и не хотел. И эту загадку мне уже не разрешить. Потому я внезапно настолько стал другим, что перестал узнавать себя. Изменился. Изменилась даже моя внешность. А внешность это вообще было то, что во мне менялось чаще всего. Причем, не только цвет, длина волос, или выражение лица, но и, наверное, уже само лицо становилось другим. И причина в этом, как мне кажется, то, что моя душа становилась другой. А внешность, тогда уже, словно бы подстраивалась под то, что было внутри. И в зависимости от этого – я становился то старше, то моложе. А чаще всего старше. Хотя поступки были свойственные молодым.

Но уже как раз для меня это было и оправданным. Потому что как бы молодым я никогда не был. Словно, из подростково-юношеского возраста я перепрыгнул сразу во взрослую жизнь. Минуя молодость, к которой, в общем-то, я никогда и не стремился. И как ни странно – это было именно так. И, наверное, стоит вообще задаться вопросом: что думал я в тот момент, когда это в реальности происходило?

Но как же мне не хотелось на самом деле возвращаться в свое детство. Ни в детство, ни в юность. Словно я чувствовал, что как раз с того времени существует надо мной нечто, что способно

даже не то что вызвать какие-то негативные последствия, а скорее, заставить меня как бы заново пережить тот ужас, который уже стал мной забываем.

И ничего с этим нельзя было поделать. А чтобы избавиться от этого - был только один способ: заново пережить трагедию. Причем на самом деле – трагедия это была или радость – значения большого не имела. Важен был сам факт переживания подобного. Погружение в то свое состояние, которое приходилось испытывать когда-то. И самое печальное было как раз это. Потому что иногда прошлое радовало. А иногда приносило разочарование. Причем, конечно же, мучительнее всего (для психики) было третье состояние. Когда прошлое словно бы заставляло погружаться в него. И это было только полбеда. Потому что «погружение» означало и то, что я внезапно начинал пребывать в измерении прошлого. И порой былую действительность воспринимал с какой-то новой для себя стороны. Словно одновременно наблюдая со стороны и находясь непосредственно в ней. И это было самое мучительное, что только могло быть. Потому что при этом я ощущал свою полнейшую неспособность что-либо изменить и как-то воздействовать на ситуацию. А она уже не отпускала. И это притом, что я хотел выбраться.

Но изменить ничто было невозможно. Причем, нельзя было просто констатировать факт. Не забывайте, что я находился в глубине этой ситуации. Ситуации, произошедшей когда-то много лет назад в моем прошлом. Но теперь для меня словно наступило это прошлое. И ничего с этим нельзя было поделать. И надо было как-то заново переживать его.

Глава 3

Может так получится, что многое из того, что было в прошлом, не вызывает в моей душе такого ностальгического желания непременно возвращения туда, где раньше мне казалось - все было прекрасным. А ведь тогда видимо была такая же жизнь. И что вполне точно, изменяясь в деталях, все было неизменным в канве общего отношения между жизнью и мной. А вот выходило так, что с каждым последующим годом стало видеться оно мне в намного лучшем свете, чем было на самом деле. Но словно бы все равно не угадывалось, что это было так. А казалось действительно прекрасным. Видимо, даже более чем прекрасным, если еще до недавнего времени хотелось мне в него возвращаться.

Впрочем, хотелось возвращаться ровно до того момента, пока я не понял, что уже это есть ошибка. Что на самом деле все по другому, и вовсе не так, как представлялось мне. А если и необходимо было как-то реагировать на подобное, то наверняка я предпочитал выражать бурный восторг. Не показывая, впрочем, его никому внешне. А может и некому было показывать.

Старею, однако. Нервы уже не те. И так всегда был излишне сентиментальный, а тут с возрастом вообще все это чрезвычайно усилилось. Отчего и сам страдаю, и сделать ничего не могу. Кроме одного – найти кого-то, чтобы уйти. Тогда легче. Тогда и правда хоть на какое-то время легче. Правда потом, когда начинаешь разглядывать с кем живешь, появляется досада что мог бы найти лучше. А за этим почти сразу и чувство вины по отношению к тем, от кого ушел. В общем, мучаешься. Но уже не так, как если бы был один. Тогда бы, наверное, вообще лез на деревья от отчаяния и был на луну.

Когда у меня появился такой страх? Не знаю. Скорей всего он был всегда, в детстве, а позже, по мере взросления, укреплялся, цементируясь в душе и откладываясь в подсознании. Да причем так, что теперь настолько прочно там засел, что кажется нет иного выхода, как только смириться.

Со многим необходимо смириться. Много уже не изменить, ибо сформировался я за годы. А появляющиеся мысли и желания каких-то изменений наталкиваются на такую бездну из отчаяния, страха и боли, что кажется и нет иного выхода, кроме как смириться и жить так, как живу.

Глава 4

Я вновь и вновь отыгрывал свою амбивалентность характера. Что словно бы допускало и противоречия, возникающие в душе, и мучения этой самой души. И душа моя не могла найти покоя. Потому что казалось ей, что выбрано какое-либо правильное решение, а на деле оказывается, что это все не так. А значит приходилось пускаться в новый эксперимент. Который неизвестно чем закончится. И тем более не знал я сам.

И мне все чаще хотелось махнуть рукой и уйти в свой внутренний мир. И совсем не возвращаться наружу. Там было плохо, больно и опасно. И там таились те самые враги, которые в любой момент готовы были наброситься на меня. И растерзать. А может быть – идентифицироваться со мной. Подменив собой – меня. И после этого все станет невозможно.

Но я также понимало, что даже если бы хотелось не допустить этого, то ничего бы не получилось. Не допустили бы они, эти тени моего «Я», чтобы получилось у меня. Потому что следили за мной и оберегали от подобного шага. Следили и охраняли. Следили, чтобы не допустил я чего, а охраняли – чтобы не совершили нечто в отношении меня.

И пока ничего невозможно было изменить. Хотя, наверное, допустимо.

Я подумал, что может в этом кроется причина происходящего. Происходящей не в той последовательности, в которой хотелось. Но, если рассудить, чего мне хотелось? Но произошло ли так, что когда-то давно он запутался. И с тех пор никакого разрешения мучивших меня страданий не происходит. А лишь еще более все усугубляется. Притом что, по всему, это настоящий моральный мазохизм. Ибо понимал я, что делаю тем хуже себе. И ничего не могу поделать с тем, чтобы не делать этого. Сам себя загоняю в угол. Переживаю из-за этого. Но когда предоставляется возможность выйти из угла – не выхожу. А лишь еще плотнее прижимаюсь к стене. Стремясь сохранить какую-то призрачную независимость. Ну, или глупость. Самому мне в тот момент было все равно.

Хотя, видимо, тут необходимо говорить не обо мне. Вернее, не только обо мне. Потому как поступки, совершаемые мной, как бы уже свидетельствуют, что существует как минимум кто-то еще. Кто имеет такое же внешнее сходство. И может это является одним человеком. Притом что, также можно быть уверенными, что подобных людей как минимум несколько. Несколько, и все как один. И они все настолько глубоко слились друг с другом, что ничто уже и не говорит, что смогу когда-нибудь увидеть их по отдельности. Мне вот только кажется, что есть еще кто-то, кто пребывает со мной в одной оболочке, проживая практически одной жизнью. Притом что все чаще замечаю я вынужденность своего двойника. Который во что бы то ни стало стремится выбраться из заколдованного круга, сбросить ненавистную оболочку, и зажить совсем другой жизнью; и что наверняка – жизнью иной, чем живу я. Кажется это возможно, все возможно. Как возможны будут когда-либо изменения. А сам я тогда наверняка останусь один. И смогу сам все решить. И самое главное, если и не буду знать как это сделать, то ответственность будет лежать только на мне.

Меня посещали мрачные мысли. Я находился среди них, оказавшись словно в частокоче мучивших меня вопросов и сомнений. Причем, словно бы и действительно все оказывалось настолько запутанным, что ничто не могло свидетельствовать о каком-либо изменении ситуации. И ничто, совсем ничто, не свидетельствовало, что у меня что-то получится. А словно бы и наоборот – я все больше погружался в пропасть людского непонимания. И если и продолжал еще как-то общаться с окружающими, то это наверняка уже ни к чему не могло привести. Ну или – не должно было. Как будто не должно. Словно не должно. И наверняка не могло. А сам я давно бы уже с удовольствием взял бы некую паузу. За которую необходимо было обдумать что и как. Чтобы... Да, по сути, я и сам не знал – зачем. Ведь, если допустить, что я хотел избавиться от всего этого – так избавился бы. И ничто бы не удержало, чтобы вышло в итоге как-то иначе. Ну а тогда и причина в том, что мне ничего не хотелось. Что у меня как вроде и начиналось все, да в какой-то момент вдруг или заканчивалось или уходило в сторону. И проходило еще какое-то время, и ничего не говорило,

что на каком-то этапе постижения бытия (а вся наша жизнь в какой-то мере постижение) все изменится. Да и я вдруг начинал вести себя так, словно какие-то изменения для меня безразличны. Словно мне необходимо это, но и не так чтобы. Словно я не рассчитывал на какие-то изменения. А если свершались они, то начинал задумываться о причинах происходящего. Но почти тут же в мои размышления вмешивались все три незнакомца, невидимых моих то ли оппонентов, то ли ангелов-хранителей. И уже в беседах с ними я наверняка приближался к истине. Истине, большую часть значения которой не понимал. Но бессознательно верил, что интуитивно нащупанный смысл приведет к долгожданным результатам. И когда уже откроется это – то разрешится все остальное. Причем, в большинстве случаев, словно бы само по себе. Ну, или не взирая на какие-то протесты. А я не буду обращать ни на что внимание. Веря, что передо мной открывается по-настоящему другой мир. А для достижения этого мира у меня свой путь. Путь, отличный даже от тех, которые принимались мной за истину когда-то. И когда произойдет это (а это наверняка когда-нибудь произойдет) – мне во многом станет лучше.

Верил ли сам я в то, что когда-нибудь должно произойти что-то интересное со мной. И произойдет словно бы без моего прямого участия, словно само собой, само по себе, даже может и в какой-то мере неведомо от меня. Но это будет мной ожидаемо. Я почувствовал, что жизнь вокруг способна на некоторое упорядочение. Можно даже сказать, что я всю жизнь стремился к такому упорядочиванию. Но понимал, что не все будет так просто. Прежде всего потому, что общество не готово к тому, чтобы четко определять свои рамки; а в правилах допускалось множество дополнительных ограничений, большинство из которых были направлены на недопущение того, чтобы ситуация изменялась достаточно быстро. А потому повторялась она, и иной раз сложно было сказать, удастся ли изменить что-то со временем.

На самом деле со временем изменить удавалось. Я знал, что если продолжительное время работать над какой-то одной проблемой, то постепенно начинает вычерчиваться определенный круг вопросов, в которых становится возможна разгадка. Причем совсем неверно предполагать, что весь этот круг состоит из вопросов не нужных или преждевременных. Как раз нет. И все дело заключалось в том...

Я не знал пока, в чем на самом деле заключался этот вопрос. Но находил, что на пути к разгадыванию тайны. Допуская, что когда (и если) откроется она, то мне станет легче разобраться со всем остальным. Причем в то, что именно так произойдет - я верил. Но даже если и не особо распространялся об этом, все равно приближал эту тайну. Считая что многое становится возможно уже на уровне предположений. Когда перед вами словно бы высвечивается то, к чему вы фактически все это время шли. И продвигаясь таким образом, вы уже знаете, что не только

приближаете эту тайну, но и находитесь возле нее. И чтобы дотянуться до нее достаточно приложить дополнительное минимальное усилие. После чего перед вами откроется то нечто, что заблестит цветами радуги. А в душе появится благодатное чувство от великолепно проделанной работы.

Глава 5

Я не хотел, чтобы все было легко. За годы жизни я даже как-то привык к тому, что любая задача не сразу поддавалась, а на это требовалось затратить определенное усилие. И при этом правильный ответ я или видел уже сначала, или же в моем сознании прослеживалась дорога к этому ответу. И я проходил эту дорогу, радуясь, что все складывается именно таким образом, и совсем не нужно мучиться. Я ведь знал, что много людей мучается уже от того, что не видна перед ними такая дорога. Что если каким-то образом и просматривается она, так они сами упускают ее. Зачастую или вообще не находя, или если и улавливая что-то, то постепенно со временем сбиваясь с пути. Можно даже сказать, что само время сводит на нет усилия. Затуманивает разум. Когда начинает казаться что вы уже у цели, уже дошли, а в итоге все оказывается не так. По-другому.

Я верил, что со мной по-другому не будет. Слишком большую плату я уже заплатил, чтобы передо мной рождался туман, в котором я бы сбивался с пути. Нет. Нет, нет, и нет,-- повторял я, иной раз устало а иногда и с радостью проходя множественные пороги, где другие явно сбивались с пути, натываясь на рифы. Подводные камни были везде. Почти в любом деле перед индивидом постепенно вырисовывалось то, на что он не только неожиданно натыкался, но и выходило так, что вроде как иначе уже и не мог. И уже в таком случае кто-то навсегда сходил с дистанции, кто-то задумывался о несправедливости жизни, а я, не унывая, продолжал движение. Потому как знал, что ничего не может быть опаснее остановки. Ведь даже дай я себе минимальный отдых, и уже совсем не ясно, смогу ли двигаться далее. Скорей всего нет. Скорей всего упаду, собьюсь с пути, быть может даже заплачу от постигшей меня неудачи. И поэтому не провоцировал судьбу. И не останавливался. И все время двигался вперед, словно понимая, что попросту нельзя иначе. Что иначе невозможно.

.....

Я знал, что ни за что не остановлюсь. Да, я стал неким заложником такого движения. И получалось, что передо мной не было иного выхода, как только двигаться вперед. Но ведь, с другой стороны, лучше продолжать движение вперед, чем останавливаться на полпути. Тем более лучше, чем вообще не верить в свое движение. В возможность его.

Но я верил. Верил и продолжал, иной раз скрепя зубами, двигаться вперед, пробиваясь сквозь могучие ветры судьбы. И хорошо зная, что когда-то наступит победа. Победа, к которой я шел фактически все жизнь. И когда случиться она - я отдохну. Отдохну и пожну лавры победителя. И не будет больше никаких проблем. Потому как то, что будет - это только свобода, которая ожидает впереди. И больше ничего.

А когда я всласть наемся ей и мне захочется большего, я знал что снова отправлюсь в свое движение. И вновь пройду столько, сколько будет необходимо. Необходимо чтобы победить. И я знал, что будет так.

Глава 6

Сколько себя помню, моя жизнь складывалась из удивительных противоречий.

Противоречий между истинным положением вещей и шаблонной парадигмой поведения на людях...

И как раз тут, смею вас уверить, что то, как было на самом деле, знал только я. Потому что с детства уяснил для себя одно правило, следовать которому приходилось всю жизнь: то, каким я ощущал себя я – отличалось от того, как меня видели другие. И я часами бывало рассуждал про себя на эту тему, а вскоре часы переходили в дни, дни в месяцы, месяцы в года. Пока я не понял, что должен немедленно остановиться, иначе загоню себя в пропасть, из которой выбраться будет невозможно. Я понимал, что бессознательно развиваю в себе чувство вины. И это вызывает какие-то необъяснимые силы, способствующие решению различных задач, алгоритм которых был совсем неизвестен мне ранее. А теперь все словно становилось на свои места. И многое у меня действительно получалось. Так выходило, что ничего как вроде бы никогда не приходилось сознательно менять. А в то же время словно из потаенной комнаты (для надежности еще прикрыв ладошками глаза) я следил за ходом собственной жизни. Зная наперед, что мои невольные попытки что-либо изменить - ни к чему не приведут. И после того, как ради какого-то эксперимента я не осознанно отдал судьбу на откуп подсознания, замечал, что и по накалу страстей, и по возможным последствиям происходят обоюдные по значимости события. Причем какое-либо мое вмешательство ни к чему не приводит.

Но я не мог оставить все как есть. Я просто не способен был отказаться от какого-то своего вмешательства. Хотя периодически и становился сторонним наблюдателем. Потому как мне тоже ведь необходимо было решить что-то для себя. Хотя и, конечно, до конца это у меня никогда не получалось. Ибо если что и получалось, но мне не очень хотелось в будущем испытывать хоть какую-то вину за совершенное когда-то.

Задумался сейчас, насколько жизнь людей, встречавшихся мне когда-то, могла быть интересна мне тогда? Ведь вполне возможно, что если общался я с ними, то наверняка наше общение выходило за рамки механически-ритуального набора ни к чему не обязывающих слов, целью которых являлась демонстрация подтверждения товарищества или знакомства. Или же и на самом деле не было особой душевности в наших отношениях? И если я или они интересовались чем-то, то это являлось исключительно поверхностным, и никто из нас не вкладывал в это глубокий смысл. А потому прошло совсем незначительное время, а в памяти почти и не удержалось ничего, что могло бы показаться как-то по-особенному важным или занимательным. И это грустно. Особенно если предположить, что кто-то из моих невольных собеседников на тот момент вкладывал какую-то душевную теплоту в беседу со мной. Притом что я уверен – отвечал ему тем же. И видимо возможная и проблема и одновременно разрешение разгадки заключалось лишь во временном периоде. То есть на тот период все было для нас намного актуальнее, чем сейчас. И потому сейчас данный вопрос просто и не мог вспомниться в каких-либо деталях. А тогда он служил еще и неким дополнительным звеном в цепи мироздания. А потому после, когда исчезла необходимость него, это не является важным, а потому и не помнится. Также как если создаются некие условия, схожие с тогдашними – наверняка вспомнится многое, если даже и не все. Ну а значит уже не будет существовать никакой проблемы. И все покажется даже замечательным. И тогда уже я могу предположить, что когда-то возможно наступление такого момента, когда я вновь увижу кого-то из своего прошлого. А может не увижу никогда. На все воля Божья. Если решит он – и как решит – так и будет. Ну и, конечно же, это без сомнения будет одним из лучших дней моей жизни. Ибо все же чувствую я определенную вину за то, что растерял общение с ними. Притом что с одной стороны можно предположить, что в этом и нет моей вины, а уже с другой (особенно зная собственную психику) могу сказать, что в большинстве случаев повинен как раз я. Причем наверняка ведь в отдельных случаях я сознательно шел на разрыв. Словно бы предусматривая, что мне будет больно от этого, и буду испытывать я чувство вины. А, как известно, чувство вины служит для того, чтобы впоследствии заглушать его. Водкой или творчеством (или и тем и другим; на выбор).

И все-таки мне же казалось, что не все было так плохо. Вспоминая прошлое, я пытался нащупать некую грань, за которой скрывалось нечто, что говорило бы о том, что существовало нечто, что как раз и могло вызывать чувство вины. Тогда как я понимал, что ничего подобного не было. И дальнейшая разработка вопроса ни к чему и не приведет. Хотя я понимал, что в большинстве случаев, именно бессознательной необходимостью появления чувства вины продиктована большая часть совершенных когда-то действий. А раз так, то это многое объясняет.

И все же мне кажется, что не стоит винить себя за прошлое. Прошлое – это то что уже прошло. Почему было так – мы не знаем. Но возможно что именно тогда, когда мы поступали так – у нас не было иного шанса. Хотя и понятно, что с позиции времени легче отделить зерна от плевел. Но что уж тут говорить. Ведь то что было – прошло. Ушло. Безвозвратно потеряно. А бежать ему вслед.... Да неверно это. Не верно. Если вообще – не ошибочно.

Так зачем тогда совершать сейчас новые ошибки. Разве мало ошибок предыдущих.

Глава 7

Со временем я каким-то бессознательным образом запутывал жизненные ситуации, которые без моего участия пускались в свой жизненный ход. Притом что какое-то достаточно длительное время потребовалось на то, чтобы я понял, что это так. И еще долго существовало нечто, что оттягивало выводы, которые исторически все равно должны произойти. При этом я замечал, что происходит разветвление жизненного пути. И вместо одной судьбы я начинаю проживать несколько. словно несколько судей начинают принимать участие в судьбе моей. И оттого она становится не только не понятнее, но и запутаннее. А долгожданного разрешения не только не предполагалось, но и как будто вообще не предусматривалось. Что это было, как не загадка. Отчего все время вмешивалось что-то, что намеренно оттягивало мое понимание собственной судьбы. И не иначе как действительно не существовало, чтобы говорило об обратном.

.....

Можно предположить, что когда-нибудь наступит момент, после которого все те люди, которых волей судеб я потерял, вновь возвратятся ко мне. И в таком случае начнется более чем обычное течение жизни. И даже ничто не будет говорить про то, что прошли годы и даже десятилетия. А все возвратится на круги своя.

Но я до конца не предполагал, что так случится. Притом что мне до сих пор хотелось попытаться предположить, что было бы, если бы выбрал я в свое время другой путь.

Но, несмотря на случившиеся порывы, я понимал, что это все находится в исключительном введении домыслов и фантазий. И на самом деле ничего не имеет с реальной действительностью. Прежде всего потому, что был бы я в таком случае другим. И в сам ход истории периодически вмешиваются детали, на которые не всегда обращаешь внимание, но потом оказывается, что именно они и изменяют ход истории. И становится до обидного непонятно, как могло произойти так, что на это не обращал внимание раньше.

Глупо говорить о какой-то загадочности пути. Тем более что вся жизнь уйдет на разгадывание всех тех механизмов и тайн, которыми напичкана жизнь. Притом что все, что касается меня, неким чудодейственным образом перекалывается и на других людей. А значит получается, что занимаюсь я изучением тайн человечества. И если будут объяснимы некоторые механизмы жизни, то приоткроется тайна над судьбой и ее ролью (или отсутствием таковой) в нашей жизни.

Достаточно сложно было предположить, что раньше я не догадывался о том, что все время вижу мир несколько в иной плоскости, чем видит большинство. И может в этом заключалось какое-то возможное непонимание со стороны окружающих. А возможно я ошибаюсь. Ибо, как такового понимания не было, потому что не удавалось корректировать и собственное поведение и мнение о себе окружающих. И можно было предположить, что в те моменты прошлого - возникающие жизненные ситуации виделись мне совсем иначе, чем могли быть. При этом я понимаю, что если в какой-то момент собственной жизненной истории поступал так, как поступал, то видимо именно это на тот момент и следовало считать наиболее провальным. Словно бы предполагая, что при других обстоятельствах я мог бы поступать иначе, а значит и сама жизнь пошла бы по-другому сценарию, являя совершенно иной жизненный путь. Хотя, замечу, здесь и до сих пор могут возникать спорные вопросы хотя бы из-за того, что с некоторой натяжкой можно было предположить, что в итоге все равно появится нечто, что выведет меня на путь развития, который в итоге и получился. А ведь так хочется, чтобы было все по-другому. Как хочется и найти причину того, почему это все-таки получалось так. И что возможно было сделать, чтобы произошло как-то иначе.

А ведь я пытался куда-то высвободиться от этой правды. От правды, которая живет во мне и душит меня, совсем не считаясь с какой-либо действительностью в сознании. И показушная ясность мысли здесь не причем. Потому как все, что мне хочется, чтобы поскорее все закончилось. Чтобы как-то приподнять плиту совести, сдавившую душу. И надо может совсем ее оттолкнуть, да все время возникает нечто, что мешает сделать это. А после всех этих бессознательных попыток уже ничего не хочется. Как будто разом уходит все в сторону. Отдаляется от меня. Но я хотел жить. Хотел, надеясь, что когда-нибудь у меня получится измениться. Ну, если и не измениться, то хотя бы своими уже новыми поступками искупить ошибки прошлого. А может не только исправить, но и совершить так много хорошего, что у совести появится еще один судья. Как у апостола Павла, который наверняка ведь тоже должен был раскаиваться за души, им убиенные.

Надеялся на это я. Знал, что жизнь, если разобраться, совсем не была никогда счастливой. Я мучился. Страшно мучился. И получалось так, что из этих мучений состояла жизнь. И не было

избавления от страданий. Как и страданий этих никто из окружающих не замечало. Да и не знал о них. Знал только я.

Видимо ошибка была заложена изначально. С того момента, когда начинались первые ассоциации того, что происходило в душе – с окружающей действительностью. И необходимо было выбрать какой-либо окружающий лагерь. И я еще раздумывал: какой? Ибо с одной стороны, было принятие жесткости, решительности, и уверенности в себе. Какие-либо сомнения – минимальны. Все подчинено единому порыву или добиться результата, или повышения этой самой результативности. А какие-либо сомнения исключались или не принимались всерьез. На них не только нельзя было обращать внимание, но и нельзя предоставить им право на существование. А с другой стороны – была мягкость, способность к компромиссам, бессознательное желание подчиниться, дабы исключить накал страстей, и выбрать правыми практически любых, кто этого захочет.

Но вот в моей душе все время находилось нечто, что препятствовало любому подчинению. И тогда ничего, кроме скандала не предвиделось. Но ведь и в самом скандале, и из него – можно черпать силы и энергию для новой борьбы. Потому что, если не вы – то вас. И кругом враги. Которые ищут момента, чтобы наброситься на вас. И как бы вам не хотелось исключить это, но и на самом деле все так. И никак невозможно, чтобы когда-нибудь стало легче.

Я понимал, что окружающий мир устроен таким образом, что несмотря на развитие цивилизации, психология современного индивида подчинена психологии души человека первобытного. И на удивление – ничего не изменилось. И если не вы – то вас. И потому мне очень не хотелось, чтобы меня. Мне не очень хотелось чтобы я. Но вот чтобы меня – не хотелось все же больше.

А чтобы не произошло так, пришлось в жизни выбрать сильную сторону. И придерживаться в каких-то ситуациях позиции силы. Силы, объединенной с разумом. И это показалось мне наиболее выгодным среди какой-либо модели поведения, предложенной свыше. И видимо когда-то я подумал – а почему бы и нет? Почему бы не выбрать это? Тем более что всегда допустимо принять окончательный выбор после какого-то времени, на протяжении которого будет длиться опыт жизни. А на каком-то этапе опыт можно прервать. Я склонился к тому, чтобы сделать выбор в пользу силы, уверенности, и решительности. Но и не забыть интеллигентность. Притом что в итоге просто получалось так, что мне все больше приходилось играть. И в общении с одними людьми - я был один. А с другими – другой. Иной раз даже прямо противоположный.

Я ужаснулся, сколько совершил в жизни ошибок. В иные минуты наиболее горестных раздумий выходило даже так, что вся моя жизнь была сплошной ошибкой. Причем, несмотря ни на что, ошибки множились, увеличиваясь в таком количестве, что становилось страшно. Что впереди

не будет лучше. Но ведь я знал, что рано или поздно все равно станет лучше. Ибо таковая была жизнь. Устройство мироздания.

Глава 8

Можно было говорить о том, что ничего не получится. Я ужаснулся. Уже давно я замечал, словно злой рок преследовал меня. Даже в тех ситуациях, где как будто бы все могло (и должно было) измениться – ничего не менялось. И пусть не становилось хуже, потому что я сопротивлялся, но все оставалось на одном месте. А если и сдвигалось, то шаги казались столь мизерными, что я был склонен не их замечать. Считая, что ровным счетом ничего нет. Не было. Как может быть и никогда не существовало.

Но попыток я не оставлял. И даже если что-то не получалось, я находил способы повторить попытки, скорректировав направление их. И потому со временем у меня стало получаться. А из-за того что получалось – я продолжал работать в том направлении и дальше. Нисколько поначалу не предполагая, что загоняю сам себя в угол. Так получалось, что я сам себя загонял в угол. И мне ведь не хотелось оказываться там, но как будто не видел я иного пути. Хотя надеялся, что все может быть обернется иначе. И уже не будет мой путь – моим путем. А случится что-то, что позволит мне иначе взглянуть на все. После чего многое покажется другим. И мне захочется, чтобы это что-то показалось не таким пропащим. Хотя и наверняка, говорить так, означает иметь в виду нечто подобное. После чего достаточно глупо ссылаться на что-то другое, быть может и обратно противоположное происходящему со мной. Происходящему в другой реальности. Когда словно нет перспектив возвратиться обратно, нащупав какую-то иную истину, после которой что-то действительно может получиться не так. Не так, как кто-то это задумывал. И если я могу говорить, что может произойти подобное – значит как будто я уже разуверился во всем. Запутался в происходящем. Хотя и не отчаялся. До сих пор желая, чтобы было все иначе. Произошло по-другому. Или признать, что не было ничего. Не было, да и никогда не существовало. Как не существовало и истины, которая выводила меня к новым противоречиям. После чего сама истина уже не могла считаться истиной. Или – на крайний случай – считаться истиной ложной. Но зачем мне ложная истина? Совсем она мне не нужна.

И показалось мне, что пути достижения проблемы исчерпали сами себя. И что точно, ни к чему бы ни привели. А может лишь запутали бы. Но неужели я вдруг в одночасье разуверился во всем. Как же тогда мои поиски счастья. Мои попытки нащупать путь, который приведет меня к

истине. Путь, идя по которому я обеспечивал себе внутреннюю уверенность и убежденность в правоте от осознания истины. И счастья, к которому, был уверен, приблизился.

Притом что где-то на краю собственного подсознания я был уверен, что ничего из этого для меня не важно. И может даже более – мне казалось, что это нисколько не было так, как иной раз мне представлялось. А сам я очень хотел, чтобы что-то начало происходить иначе. Когда испытываемое мной ощущение истины сподвигало меня к правде. И мне бы показалось, что кое-что стало способно изменить если не саму ситуацию, то хотя бы видение ее. Но я понимал, что ошибался. И это было самое печальное.

Глава 8

У меня происходило постоянное переосмысление прошлого. Можно даже сказать – я находился в этом прошлом. Оно неотступно преследовало меня. Не отпускало почти никогда. Заставляло пребывать в нем, жить, мучиться, страдать, и все время размышлять о нем. А все невольные попытки вырваться - ни к чему не приводили. Мне казалось, что заберут у меня частицу того, что было раньше, и уже не останется необходимости жить. Да и сама жизнь уже давно не манила красотой и неизведанностью. Никаких тайн не было. А была суровая правда. Правда, от которой порой не хотелось жить. Не хотелось добиваться чего-то в этой жизни. А больше всего хотелось, чтобы поскорее все закончилось. Прекратилось. Внезапно прекратилось. Чтобы я не заметил начала конца. А то, что случилось, не заставляло позже пускаться в какой-то анализ поиска причин произошедшего. Чтобы осталось одно следствие. Следствие того, что жизнь остановилась. Она ведь и на самом деле давно уже остановилась. И не было, не существовало ничего, за что я мог бы удержаться.

Размышления, иной раз, запутывали меня самого. Тогда я на какое-то время давал себе поблажку. А после - вновь погружался в работу. Зная, что меня ничто не остановит на пути к истине. И эту истину – какая она не была бы ошибочная – я искал всю жизнь. Вернее - это для других я ее еще искал. На самом деле нашел. Но я никому не доверял. Я даже не то что знал, а подозревал, что кругом враги. Причем, как знал я, враг иной раз может притаиться до времени. А то и выдавать себя за друга. Чтобы потом - нанести удар в спину.

От подобных мыслей мне становилось тошно. И я старался от них избавиться. Получалось плохо. Лучше стало получаться, когда один мой приятель познакомил меня с одним из своих товарищей. У этого товарища было какое-то сложное психическое заболевание, которое тот умело

маскировал под специфику характера. И самое любопытное оказалось, что у этого товарища тоже были враги. Вернее - ему казалось, что кругом враги.

Сопоставив портрет товарища и себя, я избавился от идеи о тайных врагах. И мог теперь смотреть на мир иначе. Лучше, чем раньше. Потому как вдруг заметил в этом мире то, на что раньше просто не мог обратить внимание в силу различных обстоятельств. Можно конечно сказать, что я ошибался. Да вот только вопрос в том, что я договорился с собой - не критиковать себя. И даже если предположить, что нечто такое осталось у меня в психике, что я мог бы еще как-то уподобить какому пониманию, то наверняка - это было не совсем верно и правильно. Ну хотя бы потому, что мне уже давно надоело все наносное и не настоящее. И если что я на самом деле хотел...

Впрочем, о том, что я хотел, говорить было рано. Но что точно, я мог предположить, что в самое ближайшее время все в жизни изменится. Притом что изменялось оно уже на протяжении почти десятилетия. А значит что будет дальше, я пока не загадывал. Я знал, что по-прежнему нахожусь на пути к выполнению задачи, к которой все время стремился. И если допустить, что все мои нынешние размышления есть суть выполнения схематических и в какой-то мере обязательных действий в рамках психического состояния, то тогда можно особого внимания на то что происходит не обращать.

Вообще, конечно, был я наверное престранной личностью. А зная это - предпочитал не только оставаться именно таким, но и находил в этом, видимо, какую-то свою пользу. Пользу от подобного поведения. По крайней мере, выражение лица моего иной раз принимало совсем загадочное выражение. И даже если предположить, что я не хотел чтобы это было так заметно, скорей всего так это на самом деле и было. Хотя - в деле всегда было больше загадочного, чем можно было отыскать какие-то ответы. Причем, быть может, и вины-то моей особой не было. А все больше была ваша проекция. Проекция вашей психики. Ну а уже сознание подчинялось такому положению. И становилось по-настоящему трудно что-либо решать. И уже не было ничего необычного в том, что состояния какой-то радости задерживались у меня не надолго. Я все-таки всегда был настроен больше пессимистично. А если какой оптимизм и присутствовал, то это было то чувство, которое я большей частью привык скрывать. Именно привык, а не скрывал как-то вынужденно, или потому что это мне нравилось. Это мне совсем не нравилось. Но для меня это было вполне обычное существование. Я просто считал, что должен себя вести так, а не иначе. И подобное было залогом какого-то выживания. Потому как ничто больше не подстегивало меня в работе - как некая грусть. Быть может, большей частью, и выдуманная. Грусть, от которой я хотел избавиться. Это был маскарад души, где единственным героем, актером, и действующим лицом был я. А вместо всех остальных - были различные вариации моей души. И этих выдуманных

существ я и боялся, и сам пугал их; им завидовал - и сам служил причиной их зависти; их я ненавидел, и без них не мог жить. Это было то, с чем я давно уже слился воедино. Разве что может быть сам еще боялся в этом признаться.

Но это было действительно то - без чего я не мог жить. Потому что именно это и была моя жизнь. Жизнь в тех многочисленных вариациях, в которых я сам интерпретировал собственное бытие. И уже можно было сказать, что моя жизнь как бы подстраивалась под меня. И уже ничего, кроме чувства внутреннего удовлетворения, я не испытывал. Потому что именно в этом и был я. И я совсем не представлял - зачем мне себя изменять себя.

Глава 9

В минуты необычайных откровений я видел свою жизнь совсем иначе, чем она, быть может, и была. Это были поистине уникальные мгновения, которые я всегда ожидал с каким-то трепетным чувством. И совсем нельзя было сказать, что они были постоянны. Или, например, это состояние грозило никогда не исчезнуть. Я даже не задумывался, что было бы тогда. Потому как знал, что навсегда оно, конечно же, не задержится. Но был рад ловить те недолгие минуты существования, когда это чувство словно заполняло меня всего без остатка. И я парил в своем счастье. И мне не хотелось (совсем не хотелось!) чтобы оно когда-нибудь исчезло.

Можно было даже сказать (и в признании сего факта не было ничего, что могло бы как-то поколебать мою уверенность в том, что так делать не стоило), что я научился даже извлекать какую-то пользу из того, что происходило со мной. Это было чувство какого-то детского восторга. Щенячьей радости. А тоска... Тоска отступала настолько, что я уже даже не был уверен: а была ли она когда? Быть может, ее не было? А все что происходило со мной - был и на самом деле не прекращающийся маскарад души. А потому и не хотелось, чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

Глава 10

Случалось, что-то подталкивало меня. И тогда я просиживал часами в размышлениях. Пока не наступало чувство внутренней истощаемости и я останавливался на миг, чтобы продолжить размышлять далее. Я боялся остановиться. Боялся упустить то вдохновение, которого, несмотря на то, что было в избытке, все равно не хватало.

И невозможно было избавиться от осознания важности момента. Потому как я знал, что все, чем занимался, на самом деле необычайно важно. Что ничто в жизни не могло сравниться с тем, что

я делал. Ведь это было как бы подтверждение жизни. То, что подтверждало эту жизнь. То, что давало индульгенцию на все, что происходило со мной в течение жизни. На все поступки, совершаемые в течение жизни. И от осознания сего факта - появлялось именно то состояние уверенности, которым я необычайно дорожил. К появлению которого стремился.

Это было ощущение внутреннего превосходства над всеми невзгодами, которые я мог когда-либо испытать. Конечно, я не был безгрешен. Но и все понятия греха можно было понять в контексте относительности. Той относительности, благодаря которой одно и то же произошедшее событие можно было истолковать по-разному. А значит, точно также и осознать это. По-разному.

И совсем необязательно было цепляться за ростки неуверенности, обнаруживающиеся при этом. Ведь, по сути, это было совсем не важно. Ведь не было ничего, что нельзя было истолковать в ту или иную сторону. Да и намного важнее была способность к какому-то истолкованию. И для меня важно было именно это. Но вот что наверняка может показаться важным. Я в некотором роде всегда жил совсем не той жизнью, которой жил на самом деле. И здесь нет чего-то необычного. Все дело в том, что как только я оказывался в каком-то обществе (зачастую, без моего особого желания на то), я тотчас же принимался играть своеобразную роль, в которой от меня «настоящего» - была лишь малая часть. И по-своему это было уникально. Но считать так, значит совсем не понимать ту трагедию, которая назревала в моей душе. Эта трагедия, скорей всего, никогда бы не смогла вылиться во что-то натуральное. Я попросту никогда бы это не мог себе позволить. Никогда. Я мог думать об этом, желать этого, но никогда ни к чему это привести бы не могло.

И это была действительно трагедия. Безмолвно, почти без какого-либо внутреннего сопротивления и протеста, я позволял самому себе играть по жизненным правилам, заранее принимая любые условия, которые были установлены до меня. И совсем не предполагали моего участия и даже существования. Но если уж так выходило, что я оказывался рядом - как бы предусматривалось само собой, что с моей стороны какое-то возражение не появится. Хотя, замечу, на самом деле так не было. Но и мои какие-то страдания всерьез никто не принимал. Как будто не было их. Не было меня. Не было чего-то, что могло бы помешать существованию того положения дел, которое давно уже сложилось. И сложилось, конечно же, в том числе и по моей вине. Ибо произошло это без какого-то протеста с моей стороны. А когда нет протеста - можно предположить, что человек или об этом не знает, или не хочет знать. И что было страшнее - неизвестно. Но что я мог предложить миру? Обманывать мне никогда никого не хотелось. Даже в те минуты, когда я вроде как и чувствовал, что это можно сделать, я все равно не делал. Да и возникали подобные мысли всего раз-два. А потом они уже каким-то образом обходили мое сознание. Так что я был благодарен им за то, что они не искушали меня.

Конечно, мне трудно приходилось из-за того, что пока не было того всеобщего признания, которого я ожидал. И при этом я отдавал себе отчет, что если когда такое случится, то я не застану этого. А что будет после нашей смерти? Можно тешить себя любыми ожиданиями предполагаемого иллюзорного будущего. Но что будет на самом деле - разве уготовано нам знать? Впрочем, если это способно придать какие-то силы дню настоящему, то несправедливо было бы и отказываться от подобного.

И все же я хотел бы кое-что обозначить более четче. Мои предположение о какой-либо исключительности,-- совсем не должны ни смущать, ни тем более зарождают у вас ростки недоверия, а отсюда и недолюбивания меня. Почему? Я специально вспомнил о том, что кому-то ведь может показаться и так. Но тогда уже спешу уверить, что, большей частью, суть всех хвалебных речей о самом себе,-- это только лишь желание как-то подстегнуть самого себя в работе. И не более. Потому как все исходит, опять же, из специфики моей собственной психике. Когда одобрение и приветливость - вызовут восторг и воодушевление (а значит и вдохновение, и подъем творчества), а какая-то критика - лишь способна отбросить назад. И потому приходится защищаться от нее тем образом, что стараться просто не замечать ее. Списывая атаки критикующих на всю эту несчастную психопатологичность их души, вынуждающую искать какие-либо способы внутреннего удовлетворения; а известно, что большинство из людей способны приподняться в своих глазах только после того,-- как «опустили» в этих самых «глазах» других.

И, конечно же, все мое какое-то упоминание о какой-то своей незащитности,-- совсем даже не из-за того, что это и на самом деле так. Но что верно наверняка, это то, что совсем не хочется отвлекаться на какие-то мелочи, стремясь доказать кому-то - что-то - о себе. Зачем? На мой взгляд, это есть ошибка. И я бы никому не советовал когда-либо этого делать. Потому как все «доказательства» должны быть только для самого себя. И сам человек, лучше, чем кто-то другой, знает, на что он способен. Какой потенциал заложен в нем. Что таится и скрывается в его мыслях (а я, если угодно, в какой-то мере различаю два семантически родственных понятия: таиться и скрываться); и уже потому, необходимо всегда предоставить человеку самому взлетать к каким-то вершинам; самому – «раскрыться»; самому - стать тем, кем он, собственно, и должен стать. И ничего нет страшного в том, что по началу человек становится таковым лишь в своих собственных мыслях. Ведь потом он обязательно достигнет этого же - и в реальной жизни.

Глава 11

Могло ли показаться удивительным, что отчаяние способно двигать человека, заполняя его мысли и направляя его устремления? Это не могло бы показаться странным, если бы таким человеком оказался я. Именно со мной казались «детскими» еще недавно считавшиеся монолитными законы незыблемой истины; именно со мной - рушились вековые формулы бытия (законы существования); именно со мной, в сравнении со мной, многое теряло свою привычную силу, актуальность, и оформленность. И совсем с иных позиций теперь нужно было наблюдать мир. А еще некогда казавшиеся безупречными правила – теперь пересматривались. И это ни у кого не вызывало удивления. Хотя и было удивительно. Но совсем не вызывало удивления.

Но насколько сам я касался всего этого? В первую очередь,-- осмысления сих данных деталей. Нет. Я, конечно же, совсем не обращал на это никакого внимания. Для меня намного важнее было замкнуться в каком-то своем внутреннем мире. (Ошибочно путать понятия «мир» и «мирок». Первое включает в себя целое мироздание внутреннего храма души. А второе,-- лишь черный ход этого храма. Со всеми теми пороками, которые были заблаговременно отброшены цивилизацией). И вот как раз мне было близко погружение вглубь себя. Ближе изучение богатства собственной души. Архетипической составляющей всего этого филогенетического наследия, которое досталось моему подсознанию, и было накоплено опытом предшествующих поколений. (Мы говорим сейчас о филогенетической памяти).

Иной раз мне становилось грустно. Казалось, что совсем не справиться со всем этим великим наследием. Что я не способен удержать, сохранить это невероятное богатство. А потому почти до изнеможения я просиживал над рукописями. Стремясь успеть запечатлеть открывшиеся законы вселенной. У меня не возникала (а если просачивалась - то обороты не набирала) мысль о том, что никому это не будет нужно. Нужно было обладать мелочной душонкой, чтобы во всем искать сиюминутную выгоду. Я был не такой. И грустно было, когда я встречал таких людей. И бежал я от них. А то заносился кулак, чтобы хрястнуть кого-то по ненавистной рожице, с хитро бегающими глазками и кривенькой раболепской улыбочкой. Но сдерживал я себя. Уходил прочь от таких людей. Болью в сердце отзывались воспоминания о них. Ведь встречались подобные людишки на пути. И только боль и предательство приносили. Их предательство рождало боль. А боль рождало состояние безысходности. От которой почти невозможно было избавиться. И я расплачивался за такие состояния годами собственной жизни. И пусть я был еще относительно молод. На самом деле я уже был стар. Очень стар. И за старость, за наступление старости - расплатился годами. Морщинами. И сединой. Но ни о чем-то жалел. Ведь давно уже для меня был один принцип жизни: лучше сгореть живя - чем тлеть доживая.

.....

Сколько я мог удерживать состояние отчужденности? И по отношению к чему была эта отчужденность? Ведь часто так выходило, что я целыми днями оставался погруженным в свой внутренний мир. И не хотел выходить из этого состояния. Да и мне намного привычнее было оставаться в этом своем мире. Вот разве что было несколько моментов, из которых я начинал всерьез опасаться слишком длительного пребывания в таком своем состоянии. Во-первых, я всерьез стал подумывать о том, что когда-нибудь могу и «не вернуться». А во-вторых... А во-вторых, передо мной все чаще стали проноситься тени прошлого. Но если раньше они только появлялись, то теперь я как будто начинал жить другой жизнью. Их жизнью. И это все настолько происходило как бы само собой, что я совсем не успевал и испугаться. Впрочем, чего мне было бояться? Разве что сумасшествия...

Глава 12

Я видел, как порой тяжело другим людям признавать собственные ошибки. Но те их них, которые преодолевают подобное мракобесие души – выходят совсем на другие уровни развития. Ведь очень важно выйти прежде всего на уровень собственного развития, понимание самим собой – себя. *Nosce te ipsum* (Познай самого себя) – именно такая надпись была заметна каждому входящему в храм Аполлона. Именно познавший самого себя, то есть только разобравшийся в первую очередь с собой человек сможет надеяться на то, что и сам сможет понимать других людей, и его начнут понимать. Хотя, может, и не начнут. Или начнут не все. Но тогда, опять же, значит это в первую очередь как раз то, что сам себя такой человек не понял. Не разобрался со своими страхами, сомнениями, внутренними беспокойствами. К сожалению.

.....

И получалось так, что я чувствовал собственную неудовлетворенность. Причем выходило весьма забавно, потому как наряду со всей той уверенностью, которая появилась у меня в последнее время, я все равно периодически чувствовал, что что-то происходит не так. Что словно бы готовится нечто, что как будто бы и могло мне помешать, но если разобраться - не только не мешало, но словно и вовсе происходило постольку-поскольку. Причем даже выходило так, что я находил то нечто, что могло, по сути, придти в какое-то соприкосновение с правдой. И что как таковой правды я давно уже не замечал. Она удалялась каждый раз, когда я приближался к ней. И

уже можно предположить, что ничего как будто не могло бы выйти. Да вот в том-то и дело, что предполагать так - была бы явной ошибкой. Причем уже получалось, что ошибкой столь явной, что вряд ли в другое время я бы решился на подобное. А вот нет - взялся, и у меня получилось. Ну, или должно было получиться. Я верил в это. А вера иной раз гораздо важнее даже реальных дел. Ибо как раз вера способна вытягивать человека в любом деле. Да и вообще - способна на все. И я об этом знал. И, разумеется, верил. Верил, нисколько не сомневаясь, что все так и должно быть. Ну а почему нет?-- задавал я себе вопрос, на который всегда знал ответ.

Но вот это каким-то образом весьма повлияло на мое окружение. И как-то вышло, что даже некогда близкие друзья как-то быстро нашли причину чтобы отойти от меня. Я остался один. А оставшись один - вновь пустился в анализ действительности.

Я чувствовал, как забираюсь в какой-то туман. Можно было признать, что этот туман на самом деле окутывает лишь сознание. Но с другой стороны ведь это, по сути, и не было так в полной мере. Тогда как вполне можно предположить, что жизнь, которая в иные разы распускалась передо мной всеми цветами радуги, тем не менее, по-прежнему оставалась более чем загадочна. И видимо как раз этой загадочностью и удивляла и радовала. Удивляла, потому как существовало еще многое, в чем я так и не мог до конца разобраться. А радовала, потому что мой пытливый ум находил бездны неразгаданного. И если предположить, что жизнь как раз и состоит из необходимости подобных разгадок, то я уже мог заметить, что жизнь свою намеревался прожить не зря. И что уж точно - так я считал.

Можно конечно предположить, что я не верил своему прошлому. И запутался в жизни, которую чувствовал, что давно уже прожил. Прожил так, как наверняка жить было не нужно. Но если предположить, что можно было прожить эту жизнь по-другому, тогда бы спросил я у себя: отчего не жил? Однако следовало предположить, что только сейчас, после всех этих откровений, я наконец-то почувствовал, что мне некоторым образом удалось избавиться от груза прошлого, и получить хоть какое-то удовлетворение от жизни. И пусть в голове все по-прежнему не способно было сложиться в нужное русло из того, что если и было когда-то и как-то запланировано, то большей частью еще носило достаточно абстрактную форму. Да и заключалось все, по сути, в некоем предвидении, которое могло при случае весьма благосклонно сказаться на мне, да все больше я уже сам начинал сомневаться: нужна ли мне такая абстракция? Притом что до сих пор еще было достаточно трудно говорить о том, действительно ли я сейчас оказался в полной мере способен контролировать свою жизнь? Или это все оставалось делом запутанным, да и вообще, можно сказать, нереальным. Что уж было тогда говорить о начале того предвидения, с идеей

которого я, помнится, носился какое-то время, пока почти окончательно вынужден был отказаться от нее?

Несмотря на, казалось, навеки поселившуюся в моей душе тревогу, я понимал, что все, что происходит, на самом деле не так важно. Вроде как выходило не понятно и не ясно. Ведь получалось, что я словно намеренно загонял себя в угол. Чтобы потом всячески пытаться из этого угла выскочить. И подобное было бы действительно не ясно. Мысли вновь грозили сбежать от меня. Конечно, я их вроде как периодически отлавливал, да не совсем нравилось мне это занятие. А иной раз даже совсем не нравилось. И тогда я пытался добиться какого-то более-менее реального результата, тогда как сам результат, по сути, изначально был не предугадываем. И так выходило, что все, что до недавних пор было – было непредсказуемо. А если когда-нибудь станет возможно разобраться со всем тем, что таилось в моих мыслях, тогда передо мной будет раскрываться пустота. После чего все, что когда-нибудь станет возможно, на самом деле окажется совсем даже не так.

Я понимал, что жизнь выдвигает мне те требования, к которым я, по сути, не был готов. И если даже предположить, что я смогу до всего дойти самостоятельно. Если только предположить... Ну а разве цепь всех выдвигаемых объяснений не есть как раз это самое,-- задумался я. Не получалось ли так, что я вновь стремлюсь к какому-то не нужному бегу, и только добежав до воображаемого финиша, с ужасом понимаю, что все это на самом деле не важно. Что впереди маячит уже другая цель. Которая вдруг покажется еще более притягательней, чем та, которой почти достиг. И при этом стоит остановиться, как все разом перемешивается в голове. После чего становится уже и вовсе непредсказуемой то, до чего я намеревался добежать.

Туман. В голове начинал распространяться туман, который оказывался одновременно и нужен и не нужен. Нужен он был потому, как мысли мои не только требовали постоянной упорядоченности, но и мечтали об отдыхе. А не нужен... Ну так разве нужно, когда я начинаю вдруг ни с того ни с сего бродить в каком-то хаосе.

Я понял, что запутался. В последнее время у меня появлялись какие-то не нужные мысли. Конечно, мысли не бывают не нужными. В той или иной мере все они подчинены какой-то единой направленности, и тем самым рано или поздно приближают нас к порогу реальности. Новой для всех нас. Но это в идеале. Это то, что случится рано или поздно. Но вот сейчас...

Всегда то, что происходит в режиме «сейчас», трудно каждому человеку. Кому-то даже не хочется, чтобы это происходило именно так. Но вариантов на самом деле нет. Нужно научиться жить с этой реальностью. Научиться жить с тем, что нам в режиме «сейчас» - зачастую совсем

непонятно то, что происходит на самом деле. Ибо погруженные вглубь проблемы, мы не видим ее сути. Не видим так, как это видно со стороны, как это можно наблюдать только со стороны, так, как это только бывает. А потому все что остается, жить, смирившись с происходящим. Жить с ощущением того, что нужно жить именно так, не вдаваясь в подробности того, почему в итоге все происходит именно так. И с верой в то, что если это происходит сейчас так, значит это нужно, чтобы было так. И никак иначе. Такова жизнь. А жизнь необходимо принимать такой как она есть. Изучать ее. Анализировать. Стремиться, если что-то и стремиться изменить, то делать постепенно, даже можно сказать ненавязчиво. Все равно, если делать разом и сразу, то есть быстро, то любое желание что-то поменять в одночасье – приведет к тому, что толком ничего не получится. И в итоге все равно вы будете возвращаться к тому, чтобы все начинать сначала.

Глава 13

Несмотря на суматошно пронесившееся время, я как-то подспудно начинал догадываться о некоей, если можно так выразиться, спиралеобразной суматошности уходящего (и почти также возвращающегося) мгновения. У меня почти нисколько не оставалось желания вернуть то, что было когда-то. С недавних пор я стал странным образом этого бояться. И притом что иной раз – словно вспышка неведомого доселе озарения – мне уже виделось совсем даже иное. И как раз хотелось вернуться обратно, чтобы, быть может, заново начать свой путь. Но если бы такое только было возможно.

Наверное, не раз наступал момент, когда я понимал, что должно было что-то произойти, что поможет мне справиться с мыслями, разрывавшими мое сознание, которое все время находилось в состоянии атаки от чего-то необъяснимого. От чего, вероятно, невозможно было так просто избавиться.

Если использовать детство в качестве поиска зарождения причин всех последующих, случившихся со мной, неприятностей, то я нисколько не способен был признавать, что это на самом деле так. И наверное стоило ответить на главный вопрос: если бы у меня было какое-то другое детство – был бы я таким, каким являлось сейчас. Или на самом деле, то, что происходило со мной после – если и было следствием того, как я рос и воспитывался, то именно этому я и должен быть благодарен. У меня были все основания находить некую связь уже между этим. То есть, моя взрослая жизнь являлась продолжением моего детства. И это было так. А значит, мое желание вернуться в него, чтобы объяснить ряд моментов, происходящих сейчас – было вполне оправданным. Так же как не существовало ничего, что могло бы мне воспрепятствовать в этом. Это

была моя жизнь. И мне необходимо было ее строить в соответствии с единожды выбранными позициями. Чтобы ничто не отвлекало меня в будущем. Которое наступало. Но наступления которого я боялся. Очень боялся.

Что было в детстве? В моем детстве, быть может, не следовало так-то уж искать каких-то причин того, что происходило после. Хотя, конечно же, они именно там и таились. И наверное самой большой проблемой было выволить их на поверхность сознания, чтобы потом уже не возникало каких-то проблем. Но насколько это возможно? Ведь проблемы все равно существовали почти независимо от моего восприятия или не восприятия их. И избавление от них, от осознания их, конечно бы не произошло. Разве что легче бы стало. Это наверняка. И, если честно, мне особото и не хотелось погружаться в детство. Уж слишком я хотел в свое время из него вырасти. А избавившись от чего-то таким образом – как-то вроде и не особенно хочется возвращаться обратно.

Быть может я чего-то боялся? Может и боялся. Но уже страх, замечу я, это то, что все равно неотступно сопровождает меня. Не преследует, нет. Сопровождает. Хотя иной раз и не бывает ничего хуже такого сопровождения. И хочется, чтобы это когда-нибудь прекратилось. И потому что устал. И потому что всегда хочется чего-то нового. И потому что я вообще с большой радостью готов поверить в какое-то чудо. Чем оставаться в мучившей меня реальности. И это было на самом деле так. Мне совсем не нужно было ничего скрывать. И почти достаточно было жить той жизнью, которой я и жил. Нисколько не собираясь расставаться с ней.

.....

В детстве я рос слабым. Мне не хотелось, чтобы кто-то оказывался рядом. Намного приятнее было одиночество, которым я наслаждался, и которым боялся с кем-то делиться. Мне это было не нужно. И любой, кто собирался нарушить его – чувствовал на себе мой недовольный взгляд. Мне никого не хотелось видеть. Это чувство я пронес через годы. И, по сути, до сих пор так и остался одиноким и недоверчивым к любому, кто собирался помешать мне. Мне так было спокойнее. Все-таки погружение в собственные мысли это настоящее наслаждение. Не каждому под силу испытать его. А те, кому это становится возможным, наверняка и сами почувствовали всю сладость его. И наслаждение, которое медленно разрастается внутри, так что уже ничего не хочется, а ты если и ждешь чего-то, то это кажется таким долгожданным, что от этого становится вдвойне приятнее. И спокойнее. Спокойнее настолько, что уже и действительно – не хочется больше ничего.

Глава 14

Жизненные обстоятельства со временем научили меня очень трезво относиться к тому, что происходит со всеми нами. Никогда ведь не знаешь, что найдешь – что потеряешь. Рано или поздно жизнь все расставляет по своим местам. Надо только прислушиваться к происходящему, делать правильные выводы, наблюдать, видеть, анализировать, и уделять внимание даже самым, казалось бы, на первый взгляд мелким деталям; понимая, что зачастую как раз из них состоит все то крупное и целое, что, складываясь словно само собой, происходит со всеми нами.

Я старался всегда не только трезво, но и осмысленно смотреть на мир. Старался анализировать происходящее. Старался видеть все не так, как это хочет преподнести тот или иной человек, а заглядывать намного глубже. Ошибка многих людей, что они видят не то, что происходит на самом деле, а замечают лишь выдуманный образ, состоящий из ошибочного восприятия нами другого человека; ибо примешивается в такое восприятие проекция, состоящая из содержания бессознательного психики, которое скрывается в глубинах памяти. И когда мы делаем анализ по какому конкретному человеку, исходя из характеристик его поведения, вмешиваются в этот процесс все выверты нашего сознания, и перед нами вроде как один человек, а мы вместо него видим совсем другого. И лишь много позже замечая, что подменили истинную личность кажущейся, вымышленной, не существующей в реальности. А то и приписываем этому как вроде бы реальному человеку – вымышленные черты. Бывает и такое.

Сколько себя помню, мне все время казалось, что вот-вот что-то изменится, и люди перестанут, наконец, играть в какую-то непонятную игру (по каким-то загадочным правилам); и тогда я способен буду разгадать их поступки да желания. А как только случится такое, - все вокруг станет «ближе и роднее». А сами люди - доступнее. Для понимания. А значит и для общения. И мне не придется разгадывать те жизненные ребусы, на решение которых уходила моя жизнь. Воспоминания в последнее время приходят какие-то особенные. Вообще я заметил, что почти все воспоминания окрашены каким-то особым цветом, когда людей из прошлого уже нет. И, быть может, осознание того, что ничего совместного у меня с ними уже не будет,-- и придает этим воспоминаниям совсем иное значение. Хотя, быть может, и все мое теперешнее поведение, не иначе как вынужденная «маска». «Маска», которую в последнее время я не снимаю.

Сегодня я проснулся, и мне отчего-то показалось, что этого не стоило делать. Ну, в смысле, просыпаться. По крайней мере, почему-то с самого первого мгновения - пришлось только открыть глаза - я ощутил это нелепое желание тут же закрыть их. Погрузившись в сон. Лучше в летаргический. Чтобы, как будто, и не просыпаться, -- и в тоже время хранить хоть какую-то незримую нить с этим миром. Мне не хотелось жить в нем, а хотелось видеть со стороны. Кстати,

может так и живем мы после смерти? Когда умирает только наша земная оболочка, а душа витает в тех местах, где жил человек раньше. А хочет – и в других. Но в других вероятно иная епархия. Зачем после смерти оказываться там где ты не был. Это при жизни надо было путешествовать. Значит – после смерти мы именно там, где жили. Когда-то. Вот так вот... Получается нет покоя и после смерти.

Мое нынешнее настроение не было для меня необычным. Вернее, я почти искусственно научился не считать его таким. Чем-то странным. Заставив себя «смириться» со всем, что со мной происходит. Правда, бывали минуты, когда мне становилось по-настоящему страшно. Причем, страшно, большей частью, не от чего-то «определенного» или «неопределенного». Спроси кто меня - я не смог бы толком объяснить своего состояния. Но мою душу терзали сомнения. Самые, что ни на есть, серьезные. И, иной раз, я «договаривался» до того, что начинал сомневаться в себе. И тогда я усилием воли отвлекался от реальной действительности. Заставляя себя, окунаясь в выдуманный мир. И мне это помогало. Как и помогало,- вернуться обратно. Что я иногда делал.

Запутанность ситуации не будет казаться парадоксальной, если к ней подойти с некоторой долей условности. Смирившись с тем, что на каком-то этапе нам придется абстрагироваться от действительности. Но это будет мотивировано почти исключительной возможностью допустить получение искомого результата. А иначе никак. Иначе все будет слишком сложно и запутано.

И тогда уже, именно в разгадке лабиринта чувств, мыслей, поступков,-- в разгадке этого лабиринта сознания, и будет заключаться единственно верное решение. Ведь любая задача должна привести к истине. Той самой истине, которую ищут многие, а находят единицы. Но вот в чем условие,- истина со временем будет распадаться на несколько составляющих. Каждая из которых по-своему верна. Но только при объединении их возможен настоящий результат.

Но иной раз важна совсем даже не причина, а следствие. А следствие моей жизни таково, что с трудом удерживаясь в потоке мироздания, диктуемом жизнью, мне приходится не жить, а выживать. И чтобы понять это, не нужно слишком трезвого взгляда на жизнь. Ибо сама жизнь представляла собой удивительный конгломерат зачастую не связанных событий, которые тяжким бременем ложились на мое затуманенное сознание. Или - подсознание. Что в конечном итоге смешивалось и грозило запутать самого опытного аналитика, который вздумай когда взяться за разгадку моего бытия. Туманного. Слишком туманного. И давно грозившего запутать и меня самого. Хотя иной раз мне казалось, что я многое понимаю. А то и вообще даже знаю. Но то, что окружает меня, настолько нереально, что остается только одно - поверить в это. А иначе и вообще может нарушиться вся (до того неделимая) цепочка мироздания.

Однако, это несколько не означает, что нет никакой способности противостоять хаосу. Отнюдь. Существует целый ряд возможностей, которые при незначительных обстоятельствах

способны привести к детонации взрыва (а любой взрыв сознания способен привести к образованию хаоса). И тогда то, что меня окружает, придет в невероятное замешательство.

Впрочем, есть некоторая опасность подобного заблуждения. Заблуждения, вызванного неверным представлением о вещах. Например, предостерегая о чем-то, я имел в виду то, что будет способствовать тому, чтобы пришли определенные мысли, которые вытаскают за собой желания, а те превратятся в поступки. Поступки, большинство из которых несут в себе множество невообразимого хаоса. Поступки, неподдающиеся никакому логическому знаменателю, ибо таковой в них вообще отсутствует.

А что тогда остается? Способен ли в этом случае я правильно оценить произошедшее? Или вновь буду лишь подменять понятия, не решаясь просто расставить все точки над «i»? Не знаю... Не знаю, способен ли я в должной мере оценить пережитое мной. Но как бы то ни было, это мой опыт. И как любой опыт, заслуживает он того внимания, какое можно извлечь из пройденного урока жизни.

Никто не знает, сколько мне отмерено. Но я должен успеть все рассказать. Независимо оттого, поверите вы мне или нет. И уже тогда замечу, что неким эталоном всего окружающего служит такая же невидимая величина, остаточные состояния которой отчего-то не всегда заметны, хотя все говорит о реальности их существования. И это по всей видимости есть то, что может быть принято за некую неопределяемую массу, имени которой пока нет, а есть лишь довольно призрачное осознание приобщения к чему-то. Что такое неверие? Неверие - есть враг веры. И враг на самом деле намного более коварен, чем, может быть даже осознание того, что это мой враг. И то, что он так легко иной раз открывается, говорит о том, что необходимо время, ибо только время способно будет рассудить любой спор. А сам этот враг земного бытия - не носит одной, какой-то заметной, личины. И нам присущие ему признаки можно заметить в совсем посторонних вещах, которые еще недавно сигнализировали о своей автономности (не путать ни с чем другим), и теперь на удивление принимают совсем иную сторону.

Что есть этот враг? Да при любом тщательном рассмотрении (а для анализа ведь тоже необходимо время), окажется, что самих врагов - ну, или вернее, тех, кто может вполне попасть под эту характеристику - много. Причем, даже минимальная возможность инициализации, в итоге не приведет ни к чему. Ибо невозможно сосчитать дождевики во время ливня или капли в океане. Имя ему - легион.

Для чего я все это пишу? Наверное, ответ на это самое простое, что я могу еще попытаться сделать. Мои записи— это какая-то нелепая и в своей основе удивительно призрачная попытка

удержать неудержимое. Среди всех мыслимых и немыслимых потоков сознания,-- это сродни чему-то необъяснимому. Словно это было приобщением к какой-то тайне, хотя тайной как таковую не является. И потоки сознания постоянно стремились унести меня в нечто запредельно удивительное. И поначалу даже казалось, что это именно то, к чему я всегда стремился. Но уже находясь на границах бытия я неожиданно понял, что это совсем не то, к чему я стремился. Путь мой уже не казался таким безоблачным, каким я его видел еще минуту назад. И теперь мне стоило лишь удержать раскачиваемую лодку вселенской неудачи, и уже не было того, что доселе непременно таковым и казалось. Следовало ли попытаться ухватиться, не пуская то мое «Я», которое стремилось к нему. И не был ли я тогда вознагражден тем утешительным призом, который зовется-то просто - жизнь. Но что это будет за жизнь? Каковы будут в этом случае те основополагающие принципы, на которых она держится? Как я смогу быть в чем-то для себя уверен, если это будет тем, что доселе я искал, не находя, и отчего удалялся. В моей жизни случалось немало моментов, когда казалось что вот-вот и способен буду приблизиться, ухватить истину. Но догоняя – я лишь только растворялся в ней. А она вновь и вновь отдалялось от меня. И отчего-то уже не казалось тогда, что будет хоть когда-то оно мне подвластно, станет таким.

Неожиданное погружение в бездну (это можно еще как-то назвать?), не принесло ни малейшего успокоения, а лишь только наоборот, выявило те не поглощенные доселе черты, которые хотелось - не хотелось, но можно было заметить в каждом из нас. Я вдруг понял, что неожиданное «приобщение к тайне» словно придавило меня. И словно что-то невидимое прошло насквозь. А я в одночасье ощутил, что уже совсем не тот, как прежде. Другой. Но какой?

Глава 15

У меня часто не было настроения. А еще чаще - мне ни до чего не было дела. И если я что любил – так это лишь бродить в собственном мире. Мире собственного подсознания. Где я прямо-таки с наслаждением предавался самым откровенным извращениям. Ибо в этом мире – я был много раз женат. У меня было много любовниц. Некоторые из любовниц – расставаясь со мной – погибали. А если я и был причастен к их смерти – то только лишь из-за того, что когда-то их знал. И не более. Хотя, замечу, в том мире, в который я погружался, можно было делать все что угодно – и без каких-либо последствий. Влюбляться, любить, ненавидеть, и даже – убивать непонравившихся тебе. Независимо кого. За это не наказывали. Там вообще не существовало такого

понятия как наказание. И при этом не было хаоса. Все как-то – на редкость удивительно – были заняты своим делом. А вот какое дело было у меня? Хотя, наверное, и у меня ведь было какое-то дело? Пусть я не придавал этому значения. Но так уж повелось. Там вообще не принято чему-то придавать значение. Все было так – как было. И никто - ни о чем - никого - не спрашивал. И ничему не удивлялся. Такое здесь было не принято. Каждый не только занимался своим делом, но и не знал – какое дело было у соседа. Соседей тоже не было. Потому что никто не знал кто их сосед. На это попросту не обращалось внимания. К вам не могли подойти, чтобы, например, заговорить с вами. Вас могли только убить. И притом – неожиданно. Но даже страха ожидания не существовало. Потому что не существовало ничего. Также как и не существовало и вас. И только вы сами знали – что существуете. И не больше.

И быть может вообще ничего из того, что я только что написал, не было. Хотя, если честно, я об этом не знаю. Иногда мне кажется, что я ничего не знаю. И как бы ни пытался узнать, все равно впереди будет лишь одно -- неизвестность. И быть может от нее я все больше погружался в мир собственного бессознательного. Чтобы там находить недостающее. И, надо признать, действительно там чувствовал себя намного привычнее, чем в реальном мире. Потому что это был мой мир. И мне не хотелось кроме него ничего. Совершенно ничего. Я даже могу сказать, что каким-то неосознанным образом вызывал в себе новые состояния. Состояния психики, которая поддавалась навстречу исходившим от моего мозга импульсам, изменяя мою жизнь и делая ее такой, что ни о чем другом я уже и не думал. А что-то, что могло вызывать в моей душе какое-то сопротивление этому процессу - уничтожалось само собой. По крайней мере, я был в этом не повинен. Как, впрочем, наверное ничего и не понимал.

Да и настолько я вообще готов был что-либо понимать? Большею частью все проходило неосознанно. И максимум что мне удавалось – констатировать мелодии уходящей реальности. Которые в большинстве случаев я и не понимал. А может и боялся понимать.

Но уже как бы то ни было, мне иногда хотелось настоящего праздника. В душе. Хотя бы в душе. И я санкционировал этот праздник. Пусть это было и не по-настоящему. Но кто посмеет меня упрекнуть в том, что я искал любой способ насладиться тем, чего, большей частью, был лишен в своей сознательной жизни? Как бы всецело и почти исключительно в такие минуты погружаясь в мир бессознательного. Мир, скрытый от большинства. И зачастую скрытый лишь только потому, что не каждый может найти способы проникновения в него. Потому как те, у кого это получалось – бережно хранят свои секреты. Не только не пуская посторонних, но и порой ставят всяческие препоны на пути к этому.

И не было сомнений, что кому-то удастся эти препоны обойти. И потому, что мир бессознательного как бы изначально представляет собой загадку. И потому, что не каждый-то в

своей сознательной жизни желает кого-то достаточно близко подпускать к себе. А тут – внутренний мир. Мир, который у каждого обычно более чем надежно защищен. И от всяческих посягательств извне в том числе. И с этим необходимо было считаться. Признавая то, что мало кто подпустит вас к себе настолько, чтобы вы запросто хозяйничали в его внутреннем мире. Потому как – и невозможно это. Как бы уже изначально. По факту. По факту, который на самом деле необъясним. Но который непременно есть. Существует. Должен существовать.

А если честно, я бы и предостерег любого от проникновения во внутренний мир другого. Ибо это может вызвать необратимые последствия. И ничто тогда не сможет защитить такого человека. И не только мне будет его искренне жаль. Но уже и такому человеку будет жаль самого себя. Но изменить что-то будет невозможно. И все, что ему останется, подчиниться новым условиям. В которых он будет вынужден находиться. Ибо они окутают его мозг, его сознание. И говорят в таком случае, что вселились в этого человека бесы. Но что говорить, когда мы с вами знаем, что он сам вызвал их. Спровоцировал ситуацию, которая не должна была наступить. И то, что это так, подтверждает хотя бы то, что человек оказывается не готов к этому. И не только вернуть что-то назад не получится, но и может так случиться, что у него уже вообще – ничего не получится. И только смерть будет его долгожданным спасением. А иначе как будто и невозможно.

Но я не хотел такого сценария! Как же я не хотел такого сценария! Не хотел – и не мог с собой ничего поделаться. Потому что словно все время находилось что-то, что вынуждало меня возвращаться назад. Погружаясь в глубины собственной психики. И даже не то что бродить – а барахтаться там. Всякий раз с надеждой убеждая себя, что настанет день, когда мне удастся выбраться. Но день такой не наступал. А я не сопротивлялся тому, что происходило со мной. И лишь только с надеждой ожидал, что это когда-нибудь изменится. Но я был слишком наивен. Не самонадеян, нет. Именно наивен. А за наивностью просматривалась вера. Вера в доброту. В счастье. Удачу. Вера в то, что прежде, чем я окончательно сойду с ума, что-нибудь изменится. Хотя и что мне уже будет до того.

Я совсем запутал себя. И в который раз мне не хотелось жить. Но просто взять и уйти я не мог. Хотя бы от того, что должен разобраться с тем, почему со мной все так происходило. И дожидаться хоть какого-нибудь конца. Потому что тот, который был сейчас,-- меня не устраивал. Но ведь я и не знал как и когда для меня все закончится. И точно также я не мог оставить все как есть. И в который раз убедил себя, что мне необходимо со всем этим начать разбираться. К чему-то ведь я должен был прийти? Ведь не могло быть, чтобы судьба все время отплясывала передо мной пляску смерти. Необходимо было остановить ее. И ничто не говорило, что у меня это не получится.

Я словно обретал второе дыхание в своем желании жить и подчинить судьбу. И не предоставлять ей каждый раз шанс насмеяться надо мной.

И я начал разбираться, почему так все происходило. А когда был близок к разгадке (передо мной было несколько почти равноценных истоков причин почему все происходило именно так) – я вдруг внезапно потерял контроль над собой. И меня невозможно было вылечить. И прежде всего потому, что я не хотел этого. Хотя, по большому счету, вполне можно было заглушить мои состояния. Когда окружающие предметы то наслаивались друг на друга, то рассыпались, и мне их приходилось собирать словно мозаику. В своем воображении, разумеется. Потому что я даже не мог говорить о сознании. Сознание с недавних пор не подчинялось мне. Мне вообще уже никто и ничто не подчинялось. И если я еще жил, то только потому, что от меня это, по большому счету, не зависело. Да и что я мог поделаться? Я вообще на какое-то время получил право не отдавать отчет своим действиям. Мог кричать, бегать, вести себя так, как никогда до этого себя не вел. Но мне очень хотелось. И лишь только сейчас я впервые получил возможность не сдерживать себя. И выплескивать содержимое своего бессознательного. В любом, кажущемся мне подходящим случае. Я даже проституток заказывал. Но бил их нещадно вместе с сутенерами. И никто не мог унять мою агрессивность.

Но вот задаю себе вопрос - так ли мне хотелось страдать? Нет. Не хотелось. Но не хотелось лишь тогда, когда я находился в сознании. В полном сознании. Когда именно сознание довлело над моим подсознанием. Подчиняло его. И мне становилось легче.

Но так было не всегда. Иной раз мне начинало казаться, что именно подсознание правит бал в моей жизни. Руководит ей. И ничего не оставалось, как смириться с этим. Признать, что все происходящее потому и происходит так, что это кому-то нужно. Кому-то, но не мне. А я и сам не знал что происходит. И что нужно мне. И лишь только когда начинал понимать, что еще чуть-чуть, и я окончательно запутаюсь, только тогда мне внезапно удавалось выкарабкаться из своего состояния. А само состояние – как будто бы уходило. Чтобы через время возвратится. И мне ничего не оставалось, как смириться с этим. И у меня не было другого шанса, чтобы сделать так, что бы так все и осталось. И ни в коем случае не изменялось настолько, что догнать и вернуть свое состояние будет невозможно. И останется только констатировать факт потери его. Но вряд ли я этого хотел. И мне стоило признаться, что то состояние извечного страдания, в котором я находился, мне на самом деле нравилось. И я не хотел от него избавляться. А если бы это когда-нибудь и произошло, то никак не потому, что хотел или не хотел того я. Видимо существует нечто, где психика живет по своему расписанию, не подчиняясь законам и порядкам. Но это все большей частью разговоры. На самом деле был один непреложный факт: подсознательно я стремился к своим состояниям нахождения в извечных страданиях. И не существовало ничего, что могло бы

хоть как-то эти мои страдания заглушить. И это несмотря на то, что я сознательно стремился это сделать. А мне не то, чтобы нравилось страдать... Должно быть все же нет... Но так вышло, что я уже не мог без этого. И примерно где-то в схожем ключе рассматривал жизнь. И самое печальное было то, что мне не хотелось эту жизнь изменять. И пусть что-то меня не устраивало. Казалось, что все-таки что-нибудь да получится. Изменится. Усовершенствуется в моей собственной жизни. И когда наладится это – тогда все будет действительно хорошо.

Глава 16

Я не раз пытался выяснить, что такое страдание. Что оно представляет из себя. Насколько оно будет способно поглотить меня. И что будет, если я начну – хотя бы попытаюсь – с этим бороться. Не знаю. Иной раз создавалось впечатление, что ничего у меня и не получится. А мои мысли и проецируемые от них желания и вовсе безрезультативны. А иногда наоборот. Мне казалось, что у меня получится все. А сам я смогу избавиться от своих навязчивых мыслей. Навязчивые мысли. Вот что обрекало меня на страдания. Когда одновременно с одной, генеральной линией – существовали еще несколько параллельных мыслишек. Каждая из которых в определенные часы претендовала на самостоятельность. И имела все предпосылки подчинить меня. Заставить прогонять внутри накалившегося от напряжения мозга только ее. И совсем ничего не оставалось, как пытаться избавиться от нее. От этой моноидеи. И если это получалось, я мог торжествовать победу. Потому что мне казалось, что я избавился от чего-то страшного и ужасного. И если это действительно было так – какое-то время я наслаждался тем, что мог не думать ни о чем. Это был настоящий праздник. Праздник души. Ибо душа успокаивалась. И ничто не отвлекало мои другие мысли от завершения их мыслительной деятельности.

.....

С полным правом могу сказать, что я еще многого не знаю. Иногда мои знания захлестывают сознание, вырываясь наружу. И при этом мне кажется что все так абстрактно и нелепо, что стоит только раз серьезно задуматься обо всем, как подобное пойдет прахом. И что уж точно, изменится невообразимым образом.

Поначалу мне хотелось узнать когда все началось. Но подумав об этом, я как-то быстро понял, что подобное для меня безразлично. И если только предположить, что мне будет достаточно каких-то определенных знаний, я также вполне могу существовать. Хотя видимо и не в самих знаниях суть. Тем более что все перевешивало мое искреннее желание разобраться как в себе, так и

проанализировать людей, попадавших в зону моего общения хотя бы минимально продолжительное время (минимально необходимое для того, чтобы сделать какой-то анализ). И при этом так оказывалось, что каким-то внутренним чутьем я чувствовал, что все на самом деле просто не может быть так просто. И если судьба что-то дает мне, значит просто необходимо (я даже обязан) найти во всем этом некий смысл, видимо исходящий из определенной запрограммированности ожидавшего меня действия.

Если предположить что характер моего жизненного пути всегда имел четкую структуру и определенность, то все это также могло означать, что нечто уже изначально было дано свыше. И я допускаю, что все это передалось в т. ч. филогенетическим путем. Тогда как если рассудить (между рассуждениями и предположениями в данном случае наблюдается тождественное равенство), то и поступки, сопровождавшие мою прошлую жизнь, видимо необходимо оценивать с позиции уже имеющегося у меня некоего предвидения лучшего выбора. А значит это означает одно: все мои недавние мысли-воспоминания, при которых настоящее как бы очерняется в угоду прошлого - не только неверны и ошибочны, но и имеют смысл противоположный имеющемуся в наличии на самом деле. Другими словами, получается, что мне совсем и нисколько не следовало как-то переживать по поводу того, что когда-то было лучше, чем сейчас. Хотя и, разумеется, прошлое по-прежнему оставалось передо мной в виде наиглавнейшего ориентира, которому необходимо следовать.

Забавно. Получается, независимо от моего какого-то желания-нежелания, я тем не менее совершал какие-либо поступки, действия, руководствовался определенными желаниями, которые, по всей видимости, лежали в плоскости адаптации моей психики к окружающему миру в целом и социуму в частности. Не сказать что раньше я безразлично взирал на мир вокруг. Ведь я всегда продолжал борьбу не только за выживание, но и за улучшение собственных адаптивных возможностей. При этом хотелось говорить о том, что были на этом этапе свои победы и поражения. Но уже видимо достижение всего этого заключалось как раз в том, что все они приближали общую победу. И это открытие как-то по-особенному стало для меня важно после того, как подобное начало ежедневно подтверждаться. И мне казалось, что именно все это так быть и должно. Хотя, конечно же, приходилось расстраиваться из-за того, что пришлось раннее терять излишне много сил, нервов, и несбывшихся желаний впустую.

.....

Разбирая свой внутренний мир, я неким таинственным образом нащупал то нечто, что должно было в итоге привести меня к ожидаемым результатам. Прежде всего оказывалось, что

совсем не нужно искать патологию там где ее нет. А погружение себя в какое-то состояние, чтобы позже из него выбираться, по всей видимости, есть абсурд. И как уверен теперь - мне это не нужно.

Можно предположить, что я снова погружаюсь в детство, вспоминая то нечто, что было там как какое-то забавное и, пожалуй, достаточно удивительное время. При этом я все время чувствую, что все на самом деле не так, или не должно быть так. Что чего-то я не помню. А сама память, как будто насмехаясь надо мной, выдергивает порой совсем не те куски, которые мне были бы необходимы для разрешения загадок, возникающих в последующей моей жизни. И при этом я уже понимаю, что так быть должно. Что поиски чего-то, чего быть может никогда не было, на самом деле нисколько не принесут мне того удовлетворения, к которому я фактически всегда стремился. Что даже получается так, что тем самым я уже запутываю себя. Ведь говорить, что тогда было лучше чем сейчас, означало бы, по всей видимости, отрицать саму жизнь. Ибо просто не верится мне, что все, что происходило после, было не верно. Видимо скорее следует говорить о том, что если какие-то ошибки и возникали после, то их или было почти столько же, сколько и могло быть ранее. Или же то, что я считал ошибками, на самом деле ими не являлись. А возникновение подобного чувства уже само по себе нелепо и загадочно.

Когда я задумываюсь о чем-либо, это еще совсем не значит, что становлюсь уверен будто удастся понять смысл происходящего. Притом что иной раз оказывается так, что мне словно все видится как само собой разумеющееся. Но после оказывается, что или вижу я проблему не целиком и полностью, или на многое изначально приходится смотреть отвлеченным взглядом. От того, что во всем этом присутствует некий потусторонний смысл. Который если и заключается в чем-то, то как бы точно не в том, что видится сразу и изначально.

Глава 17

Рассматривая вопрос произошедших в последнее время изменений, я вынужден был еще раз признать, что какая-то критика в адрес происходивших в настоящем событий не только крайне ошибочна, но еще вредна и опасна. Вредна в первую очередь для психики в целом. Вредна, если исходить из тех предположений, что неким таинственным образом природа все равно продолжала оберегать меня. А я припомнил, что действительно в отдельных случаях вынужден был поступать иначе, чем, быть может, рассчитывал делать ранее; что означало (или, как минимум, косвенно подтверждало), что путь мой обрамлялся какой-то жизненной предрасположенностью, находился в

спектре действий ее. И всяческим таинственным образом указывал на свою избирательность в вопросах ожидавших меня событий. А равно, уже получается, и моего будущего.

К тому же я стал догадываться, что меня начинает захлестывать нечто новое, и, по всей видимости, достаточно удивительное и увлекательное, чтобы пытаться описывать это каким другим способом, нежели чем я избрал для ведения подобных записей. Причем так получалось, что чем больше я размышлял о сегодняшнем времени, тем больше я верил, что видимо - пусть даже совсем случайно - нащупал ту нить, которая должна была вывести к соответствующим и так необходимым умозаключениям. Да и оказывалось, что все, к чему я всегда стремился - так же заслуживает своего уважения. Хотя бы потому, что мне казалось подобное действительно важным и необходимым.

А еще я знал (сначала только подозревал, а теперь знал), что сам сознательно накручиваю проблему, видя проблематику там, где ее совсем не могло быть. Ну, или могло. Просто я ее не замечал ранее. Несмотря на кажущееся безразличие к собственной персоне, следовало учитывать, что как раз за собой я следил более чем явно. Стремившись к тому, чтобы за многими узнаваемыми величинами все же скрывалось нечто, что в итоге просто не должно было приводить к разгадкам. Ну, или наоборот, если и приводило к ним, то казалось на самом деле еще более загадочным, чем, наверное, по сути должно было быть.

Конечно, я понимал, что мне нужна структурированность правды. Ведь выходило, что даже если предположить, что я стремился к созданию некой особой модели, которая должна была спасти и меня самого, то уже я просто не мог создавать такую модель в контексте безразличия к собственной судьбе. Это было не так. Как раз необходимость преобразований собственной жизни, необходимость создания тех предпосылок, которые уже так или иначе способны привести и к пониманию себя, в этом видимо и заключалось та роль чего-то судьбоносного и архиважного, к которому, по сути, я все время стремился. И конечно же, при всем притом я самым иной раз опаснейшим образом отдалялся от себя же; намереваясь если и достигнуть чего-то так необходимого мне, то уже рассматривал подобное в русле того, что свершится должно было, но не могло по разного рода причинам, главной из которых была моя общая неготовность к осознанию подобных характеристик; точнее - начинанию от неосознавания, и заканчивая фактическим избеганием всего того, к чему в последствие я столь удивительным образом возвращался.

.....

Надо отдать должное моей памяти. Я почти одинаковой отчетливостью помню то, что было вчера и лет двадцать, тридцать назад. С мельчайшими деталями. И возможность детально-хронологического восстановления почти всех эпизодов дня. Не думаю, что многие люди могут

похвастаться такими способностями. Но в моем случае, подобное становится возможным еще и оттого, что каждый день окрашен теми яркими цветами ощущений, которые забыть невозможно. Мне даже не требовалось что-то особенное предпринимать для этого. С необъяснимой легкостью я мог заняться любым делом, которое оставил в прошлом. Для меня это все равно что продолжить смотреть диск, остановленный когда-то «на паузе».

Однако я как-то по-особенному чувствовал некую нереальность моего желания изменить жизнь. Жизнь в какой-то мере еще можно было изменить. А можно было - попытаться сразу изменить жизнь вокруг. И уже посредством этих изменений подойти к изменению собственной жизни. Но сейчас я подумал, что такой путь мог быть ошибочен. Ничего не может быть ощутимее для человека, чем его собственные изменения. Быть может и парадокс состоял в том, что мир вокруг оставался неизменным всегда (что-то изменить в масштабах планеты невозможно). Просто в какой-то временной период изменялись взгляды относительно себя, и проецировалось они на все, что было вокруг. А я ошибочно полагал, что все также изменяется.

Не изменяется. Сейчас я мог сказать, что ничего не изменяется. И, допуская, что моя новая жизненная теория может быть ошибочной, я тем не менее был преисполнен решимости стоять на ней до конца. По крайней мере, пока сам не пойму, что такую теорию необходимо подвергнуть немедленной корректировке.

Я боюсь того, что происходит внутри меня. Можно называть это как угодно. Боязнь сойти с ума. Боязнь потерять рассудок. Боязнь в какой-то момент перестать различать ту грань, которая отделяет правду от вымысла. Реальность и действительность – от иллюзорного восприятия этого. Быть может это можно назвать страхом. Страх... Поистине в той интерпретации, в которую я погружаю ощущение от понимания значения этого слова, в какой-то мере уникально. Уникально по несравнимости подобных ощущений от других. Но тогда что это на самом деле? Вопрос, на который не существует ответа. По крайней мере, я его вряд ли найду. Но вот что меня сейчас мучает – это чувство вины. Вины не за какой-то конкретный поступок, а просто вины – как она есть. Вины – как она вообще существует. Хотя, вероятно, если внимательно покопаться в собственной памяти (что я, признаться, сейчас и делаю), то можно там отыскать немало жизненных событий, за что я мог бы попросить прощения. Особенно у тех, кого сейчас нет рядом. И которые меня, вероятно, никогда не простят. Или уже давно простили. Как бы то ни было – я об этом никогда не узнаю.

На мой взгляд, вина – это самое страшное, что может быть, если рассматривать подобное чувство как некую характеристику душевного уклада психики. От нее практически невозможно избавиться. Для нее практически невозможно найти оправдания. И тогда действительно на каком-то

этапе понимаешь, что это так. И нет тебе прощения. Как нет, не существует, и избавления от подобного состояния. Ибо если случилось это только раз-- уже значит что психика дала крен, «вина» нашла лазейку и поглощает она тебя полностью и без остатка.

Спасение? Полноте. Спасения не существует. Душа навсегда обречена на страдания. Страдания, которые и вытерпеть-то не в силах. Но почему-то терпит.

Вероятно, имеет место быть некое особое состояние, в существовании которого заинтересована сама природа человеческого «Я»... природа сознания. Или подсознания. Ведь если принять за основу нахождение подобного чувства исключительно в бессознательном, то уже почти изначально готов склонять копыя перед величию подобной силы. Почти не ожидая какого-то сопротивления. Да и о каком сопротивлении может идти речь, когда я сам вероятно способствую проникновению подобного чувства. А иной раз и почти собственноручно и сознательно вызываю его. Это чувство. Чувство вины. Причем на каком-то этапе действительно становится настолько больно, что я начинаю терять границы реальности. Они попросту расползаются передо мной, наслаиваясь друг на друга и представляя собой тот конгломерат непонятно-неизведанно-бессознательного, что, по всей видимости, совсем и не требует какого-то логического понимания. Просто потому, что иного не дано. Но ведь я на что-то еще надеюсь. В моем положении это глупо и свидетельствует только об одном. О том, что я, вероятно, и впрямь не контролирую ситуацию. Запутываюсь в ней. Все больше и больше начинаю запутываться в ней, и уже почти не жду возвращения. Быть может потому, что не верю, что оно возможно. Быть может потому, что даже не допускаю мысли, что когда-нибудь оно произойдет. Мое возвращение. Ибо все больше и больше я начинаю погружаться в пучину всеохватывающего безумия. Но что скрывается за ощущением подобного единения? А ведь я уже не верю, что когда-нибудь смогу дать ответ...

Глава 18

Но с каких-то пор я научился справляться с таким состоянием. И симптоматику пограничной тревожности заглушал творчеством. Удачно сублимируя в героев - собственную патологию. Но тогда я действительно ощущал, что смогу прекратить страдания только одним способом - самоубийством. И вместо того, что бы отговаривать себя, еще больше убеждал себя в том. В итоге, я все больше уподоблялся людям, которым уже ничего от жизни не хочется. Не хочется жить, сопротивляться, цепляться за жизнь. А то, что хочется, - кажется отчего-то нелепым и

безнадежным. И уже чувствуешь боль - какую могли только испытывать мученики в средневековье. За исключение того, что эти пытки внутри тебя. И ты понимаешь, что не можешь терпеть. Совсем не можешь. И задаешься вполне долгожданным вопросом: а надо ли? А потом приходит ощущение, что твое появление на свет было просто ошибкой. Случайной ошибкой, которую предстоит исправлять тебе же. И ты уже начинаешь на полном серьезе обдумывать, как же тебе исправить эту ошибку. И в твоей голове проносятся различные варианты ухода из жизни. Но что-то тебе все время мешает остановиться на чем-то одном. И от этого ты внезапно начинаешь ощущать, что ни на что не способен. Но тебе хочется умереть. Умереть, уснуть... И видеть сны... И ты понимаешь, что в том, что ты еще жив - должен быть благодарен только снам. Снам, от которых еще вчера отрецивался. А ночью противишься их наступлению. И уже совсем не спишь. Но как никто другой ты понимаешь, что именно сны твое спасение. Потому как у тебя уже не осталось другого пути. Другого способа выжить. Так почему не пожить хотя бы во сне. Хотя жить тебе не хочется. И тогда ты вновь и вновь начинаешь предпринимать попытки противостоять... Чему? Чему ты хочешь противостоять? И к чему может привести твое невротическое безумство? Тем более я все больше и больше ожидал, что когда-то случится так, что мне уже не нужно будет чего-то ждать. А я буду одинаково сумасшедшим и в реальной жизни, и в иллюзорном мире, и в своих снах. Подобной гармонии, в принципе, быть не может. И я это знал. Потому как, что наша жизнь в иллюзорном и выдуманном мире, если не стремление избежать болезненной реальности в настоящем мире. В действительности. И я всегда знал, что пройдет еще какое-то время, и все мои состояния повторятся вновь. И уже видимо этого повторения я больше всего боялся. Ибо был уверен почти наверняка, ничего подобного больше не выдержу. Так зачем мне было жить? Зачем? Неужели только для того, чтобы вновь и вновь испытывать все это?! Испытывать одну и ту же непрекращающуюся боль. Нравственные страдания. Внутреннюю ничтожность. Потому как знал я, что это все не сможет так просто исчезнуть. Да и в этом ли заключалось только мое желание. Что эта боль из себя представляла. Да ничего. Пшик. Но именно этот пшик мне не давал покоя. И он все бередел и бередел мою душу. Которая не должна была успокаиваться. В этом было какое-то нелепое и злое предназначение свыше. Да и что ее могло успокоить? Я не знал. Как не знал и того, что когда-то я все же смогу избавиться от собственных страданий. Мне нужна была как минимум смена обстановки. В какой-то мере я это сделал. И новая обстановка действительно помогла мне. Нет, она, конечно же, не спасла меня от боли. Но смогла отдалить возрастание ее. Но как долго ожидать мне повторения кошмара души - я не знал. И даже опасался об этом думать. Да что там,- я попросту боялся. Боялся вновь оказаться один на один с той безысходностью, от которой уже и не мечтал избавиться.

Я всегда удивлялся, но мое состояние психики отличалось от того что было у других. И я заранее заблуждался, если внезапно находил с кем-то сходство. Сходства попросту не было. Тем более это становилось понятно с теми прожитыми годами, с которыми я вынужден был расставаться. Нет, не подумайте, в этом совсем не было какого-то сожаления. (И даже ничего схожего с подобным чувством). Совсем нет. Чего-то подобного действительно не было. Вот только с каждым днем приходилось все больше задумываться, кому я обязан тем, что начало происходить с моей психикой? Однако никто не должен решить, что я преувеличиваю. К сожалению, это та самая нелицеприятная правда, которая когда-нибудь окажется способной подвести черту под неким переосмыслением прожитого. И если смотреть в будущее, то все мои годы - не иначе как борьба в самых что ни на есть экзистенциальных проявлениях. Борьба с этим миром. С действительностью. Быть может, в некотором роде, даже обыденностью.

Глава 19

Во мне всегда жили как минимум два человека. Что это за два человека? Что они на самом деле из себя представляют? Знают ли о существовании друг друга? Догадываются ли? А если узнают – как смириться с этим? Не будет ли легальное появление одного – означать гибель другого? Но какова тогда очередность выхода? Кто должен быть первым? Я? Он? Кто-то третий? Или сначала один – а после уже другой. Второй просто-непросто вытянет первого из самого себя, и тогда уже совсем даже не важна будет эта «первоочередность».

Но вот все же кто был тот... другой? Какой он из себя? Впрочем, о внешности говорить – значит рисовать автопортрет. Хотя, вероятно, в чем-то они, эти двое, все же отличались. Ну может походка у первого была более уверенней. И осанка прямее. И тогда уже и плечи порасправленнее, и голова приподнятее, да и действительно, уверенности в нем было побольше. Иной раз – хоть отбавляй.

Порой мне казалось, что изменялся даже голос. Нет, скорей – сама манера говорить. Означало ли это, что он мне был ближе? Пожалуй, нет. Как раз ближе был именно другой. Он ведь был всегда погруженным вглубь себя. И за этой интровертированностью обманчиво казалось, что ему никто был не нужен. А когда кому-то никто не нужен – это вызывает как минимум любопытство и желание разобраться: почему?

Хотя наверняка это только казалось. Ибо за казавшимися какими-то опущенными чертами лица, за приглушенным голосом, который он боялся повышать (мне почему-то именно так это

виделось), за всей этой внешностью погруженного в свои внутренние проблемы человека – как будто не было ничего, что могло как-то обратить на себя внимание... мое внимание.

И тем не менее я чувствовал, что в этом человеке я еще мгновение и смогу раствориться, слиться, быть может даже идентифицироваться. Но как же я этого боялся...

.....

Они, бывало, даже дружили. И тогда из двух различных личностей рождался какой-то странный и до боли знакомый симбиоз, о существовании которого я не то что не догадывался, а как-то наоборот – неотвратно гнал от себя. Словно чего-то боялся. А ведь я, пожалуй, и на самом деле боялся подобных перерождений. Вероятно где-то в глубине подсознания все должно быть непременно чем-то единым, а иначе нарушалась первооснова бытия. А что за этим... Что может последовать за этим дальше?..

Еще большая затуманенность того, что уже как будто начинало различаться в тумане ежедневной заретушированности... То, что словно и не должно было проявляться, высвечиваясь каким-то совсем непонятным образом. И за этим вот появлением почти всегда сквозила неизбежность... жуткая, и до боли манившая своей не открытостью. А быть может и наоборот, эта самая неизбежность, казалось, уже не предвещала, не должна была предвещать чего-то такого страшного. И тогда мне казалось – как будто не было ее. Но что тогда было? Был ли я сам? В такие мгновения мне казалось, что меня и самого как будто не существовало. И тогда – словно проваливаясь в пустоту первооткрывшегося бытия, я начинал понимать, что ничего не происходит. И уже не было их... ни того, ни другого... Но так как я твердо знал что они были (и есть) всегда – то ничего не изменилось. Да уже наверное и не должно было измениться. Но зачем тогда это все?

.....

И все-таки, те два человека, которые во мне жили, какие они были? В последнее время я зачастую слишком часто задавался этим вопросом. Но еще больше меня мучило осознание необходимости смириться с их существованием. Глупо, конечно, было возражать. Да и, быть может, я не смог бы в полной мере им что-либо противопоставить. Ну тогда и вправду следовало просто смириться.

И все же иной раз мое подсознание необычайно активно восставало против осознания наличия сего факта. И тогда я как-то странно изменялся. Во мне рождалось что-то неведомое для меня. Но вот, спрости меня, что было больше в моем протесте, я вряд ли смогу ответить.

И тогда, если бы кто посторонний смотрел на меня в тот момент, то он видимо обратил бы внимание на уж слишком потусторонний взгляд (начинавшийся еще, вероятно, с какого-нибудь «отвлеченного», но потом непременно уже переходивший в следующую свою стадию, на своего рода какой-то новый уровень), и тогда действительно меня было бесполезно о чем-то спрашивать, ибо что я на самом деле думал в тот момент – вряд ли в полной мере осознавал и сам. Но уже то, что я знаю почти что наверняка – не было в моих тогдашних размышлениях чего-то непреднамеренного, странного, загадочного, непредсказуемого... Да и сам окружающий мир как будто мне хоть и не виделся таким уж ясным да осознанно понятным, но все равно он мог при желании показаться таким. Но вот было ли подобное желание?

А ведь, если разобраться, я, пожалуй, должен был тогда уже начинать разбираться с собой. Но почти что верно наверняка, я не знал, когда это началось в первый раз. И мог только догадываться, что это вероятно начиналось как-то медленно да почти что неосознанно. И я скорей всего упустил тот первый момент, когда это только началось. А теперь ощутил все как бы сразу. И мне пришлось констатировать наличие в себе чего-то такого, что вполне легко можно принять за «раздвоение личности». Но мне не хотелось в это верить.

Но что это тогда за состояние такое неосознаваемое внутри меня? Во что это превратилось мое еще некогда контролируемое сознание? А сейчас уже сам черт не разберет, в какую игру иной раз играет сознание с подсознанием. И кто там одерживает вверх. Потому как и сам мир (окружающий мир – это проекция бессознательного) кажется не способен служить более-менее исправным индикатором, потому как видится мне все в каком своем индивидуальном ключе восприятия. И тогда уже кроме наступившей путаницы, я не могу ничего разобрать в полной мере ответственно да точно. А за условностью... за условностью может быть лишь только условность. И не больше.

.....

Что я мог из себя представлять в своем детстве? (если допустить, что истоки того, что сейчас происходит, следует искать именно там). Неужели тогда, за ничем не примечательной внешностью уже скрывались потаенно-бурлящие и до конца неосознаваемые силы, приводящие к самому настоящему хаосу мыслей да сквозящего за ними порока бытия.

Сейчас кажется, что вроде как вся сущность моя восстала против подобного желания откровения, но видимо именно за этим скрывается то нечто ценное, что я всегда с такой настойчивостью стремился отдалить от себя. А за самой возможностью архисложных в таких случаях «рождений идей» скрывается самое что ни на есть ценное и запретное.

Но вот чем больше я начинал радоваться от нащупывания какой-то отправной точки, тем больше замечал, что все ее доселе осязаемая видимость как-то нелепо начинает расплываться передо мной. И ничего кроме как необходимости вернуться на изначальные позиции – я уже не ощущал. А проходило еще какое-то время – и я уже вовсе переставал что-либо понимать. И вслед за этим хотелось закричать или расплакаться, но я не делал ни того ни другого, так как почему-то невероятно боялся кому показаться излишне эмоциональным. Так было видимо от того, что за всякой эмоциональностью таилась доступность разгадки вас. А этого я более чем боялся. Почему? Это чуть ли не единственный вопрос, который по праву заслуживает лидерства в моем желании разобраться: что же на самом деле со мной происходит?

Но тогда уже получается это не иначе как от безысходности? Ну а почему бы и нет? Разве не скрывается за какой-то нынешней попыткой стремление хоть как-то попытаться оправдать нынешнее существование, попытавшись, например, привязать его к образу прошлого. Но тогда и за всем этим новым для меня таится подсознательная попытка спрятаться от реальности уже нынешней действительности. Ну а ежели так, то уместно ли тогда и дальше противиться подобному?

Что скрывалось за моим прошлым? Прошлым, в воспоминании о котором я все чаще и чаще начинаю ощущать какую-то внутреннюю одухотворенность. Одухотворенность, сравнимую с ощущением (но еще не осознанием) чего-то поистине великого. Того, что только при каких-то неведомых для меня условиях способно и на самом деле стать таким. Ну а пока оно только скрывается в не совсем охваченной желанием действительности правды бытия. Да и о чем так свободно да беспрепятственно вести речь, ежели за затуманенным разгадыванием каких-то новых жизненных кроссвордов, я все больше замечаю, как начинаю уходить в какую-то бестелесную даль; из которой если и возвращаюсь – то только на миг, да и то, словно и не я это вовсе.

И вот что удивительно. Мне почему-то всегда хотелось затаиться, спрятаться в этой бездне, навалившейся на меня «необратимости бытия», словно я мог как-то и действительно спрятаться в ней, и как будто не надо было возвращаться обратно.

Что скрывалось под покровом непонятной для меня тайны. Что казалось мне больше нелепым – мое подобное желание или осознание загадочной будничности событий. Абсурд... И это притом что действительно мной двигал исключительный абсурд и происходящего и того, что только еще могло произойти. Но я видимо заигрался. И тогда уже мне просто наверняка следует вернуться как минимум на пару десятилетий назад, чтобы попытаться восстановить всю ту очередность событий, которые, собственно, и привели меня к себе – уже сегодняшнему.

Глава 20

Я всегда стремился к какому-то более различимому пониманию загадки своего внутреннего «Я», чем оно могло быть мне навязываемым свыше. И в процессе анализа бытия - я начинал приходить к различным выводам, суть представления которых в моем сознании, с одной стороны, не выглядели такими уж осязаемо «великими», но с другой – я догадывался, что на них все держится. Но вот мог ли я противопоставить своему внутреннему «Я» (многочисленные диалоги с которым готовы были довести меня до иступления) то самое коллективное бессознательное, которое жило самостоятельной символикой собственного мифотворчества, и в какой-то мере способно было взять на себя те руководящие функции, которых, в принципе, каждый здравомыслящий человек должен был опасаться. Но так ли это было на самом деле? Так ли это было в варианте с тем пониманием, которого я добивался? Конечно, вполне можно было допустить, что я начинал «закручивать гайки», но уже с другой: было это совершенно ничтожным в сравнении как с тем, что уже происходило, так и с тем – что произойти вообще могло.

.....

Я все больше и больше пытаюсь сделать экскурс в прошлое, потому как на самом деле считаю, что именно там были сформулированы те позиции, в какой-то мере «благодарить» которые я должен сейчас. Однако, не стремясь и опасаясь подвергать анализу совсем раннее детство, я тем не менее придерживаюсь взгляда, что следует попытаться остановиться на годах подросткового детства, когда пришло, как мне кажется, настоящее понимание того, что впоследствии привело мою мысль к работе в нужном русле мыслительной активности. Видимо именно тогда я начал осознавать (скорее как-то неосознанно), что со мной происходит нечто странное, выходящее за рамки привычного понимания нормы психики. А равно мне начала приоткрываться тайна какой-то в те времена непонятной для меня патологии, в период, вероятно, уже взрослой юности, как бы ухватив начало чего-то неординарного на самом излете детства.

Я тогда заканчивал школу. Может это был предпоследний или последний класс. Я не знал, что со мной происходит. Как будто мир вокруг как-то разом потерял свои привычные очертания. Словно размылись краски. Нет, я жил в нем, конечно же жил. Но вот только временами мне стало казаться, что как будто окружающие меня люди разом стали какими-то другими.

Сейчас я понимаю, что тогда у меня просто-напросто «приоткрылось» подсознание. И произошло это скорее всего вследствие той мыслительной работы, в которую я ежедневно погружался. Конечно, какое-то переосмысление действительности должно было произойти. Но вот только сейчас я начал понимать, что одной из моих когда-либо совершенных ошибок – было то, что я слишком хотел повзрослеть. Видимо какой-то комплекс столь прочно и глубоко засел в моем подсознании, что не только был мне невидим, но и подспудно влиял на мое отношение к окружающей жизни. Как будто в одночасье что-то изменилось, и мне уже совершенно невозможно было вернуться к своему прежнему состоянию. Да я, пожалуй, как-то быстро и забыл, какое было оно. Все действительно изменилось.

Мне кажется, что чем выше мое желание подвергнуть анализу свое прошлое, тем четче иной раз выплывают многие, казалось бы, навсегда утерянные детали. Я вновь прокручиваю в своем сознании кадры ушедшего времени, и они оживают, иной раз выставляя меня в негативном свете. Нет, конечно же, до сих пор еще верна истина, что все познается в сравнении. И скорее всего именно в отношении некоего противостояния себя нынешнего и того, другого, рождаются подобные (отрицательные) выводы. Но как бы то ни было – стремление разобраться до конца вынуждает меня поддаться принятию своеобразного решения. Решения – не останавливаться ни на миг. И если когда-нибудь подобная остановка произойдет – винить во всем исключительно себя. Что до анализа... а почему я должен считать (и видеть) это в таких уж слишком ярких да красочных тонах? Конечно же, нет. Я могу почти с полным правом предположить, что мне следует как минимум не останавливаться и идти дальше. И быть может тогда это прошлое способно будет проясниться.

Да и вообще, единственная цель подобных воспоминаний должна заключаться в недопущении повторения прежних ошибок. И если я могу быть хоть на четверть дюйма уверен, что используемый мной метод приведет меня к достижению цели, то почему бы им и не воспользоваться?

Но вот напрашивается загадочная мысль – почему все мои воспоминания носят исключительно негативный оттенок. Причем, сама возможность очутиться в прошлом (таким вот образом) настолько прекрасна, что почти уравнивает эффект от собственного поведения. И люди, с которыми я встречался когда-то – выглядят в достаточно ярких да светлых тонах. Но вот мое собственное поведение... Создается ощущение, что ничего кроме ошибок я в своем прошлом не совершал. По крайней мере, если сейчас мне доведись оказаться там, пожалуй, чуть ли не во всех ситуациях я поступил бы иначе. Диаметрально противоположно. Исключительно наоборот. И именно процентная частота допущенных ошибок смущает меня. Но ведь с другой стороны –

исправление ошибок (пусть и, к сожалению, только мысленное) способно будет служить неким гарантом, что это не повторится в сегодняшнем времени. Хотя, с другой стороны, знать бы где упадешь.

И уже тогда, вполне будет понятно мое стремление вспомнить все и разобрать какие-то былые ситуации до основания. В надежде – не повторить подобного в будущем.

Глава 21

Одно время я начал догадываться, что причину моего поведения следовало искать в том эмоциональном состоянии, которое я испытывал на тот момент. И уже именно оттуда начинают вырисовываться те последствия, которые вероятно следует прямиком нести к закономерностям. В будущем. Да и как иначе. И, по большому счету, предпринимаемый мной анализ (воспоминания) как нельзя лучше приближает меня к пониманию собственной психики. К тому же подобное, в какой-то мере, предоставляет возможность не допустить что-то схожее в будущем. Ну хотя бы надеяться на то, что можно будет этого избежать.

Если теперь вернуться на многие годы назад и взглянуть на себя как бы со стороны, то перед глазами возник бы образ молодого человека (подростка, юноши) невероятно уверенного в какой-то своей правоте, и уже оттого, видимо, не понимаемого обществом. И ведь нельзя сказать, чтобы я тогда вступал в какую-то конфронтацию с этим самым обществом. Нет. Ничего похожего не было. Но вот как тогда называть то ощущение безысходности, которое все чаще и чаще накатывалось на меня, заполняя, порой, всего без остатка.. Внутри меня бушевал настоящий пожар внутренних противоречий, когда трудно было усидеть на месте, и не было сил куда-то бежать. Иной раз все надоедало до такой степени, что передо мной достаточно ясно вставали мысли о насильственном уходе из жизни. И насколько помнится, я даже мысленно перебирал в памяти некоторые схемы осуществления сего желания; так что, вероятно, спроси кто меня тогда: действительно ли ты думаешь об этом?, я бы не задумываясь, ответил что да, думаю. И даже более того, я желал, я страстно желал сделать нечто подобное, рассчитывая в один момент (и как-то разом, сразу) прекратить свои мучения, осуществив наяву бессознательный поток неосуществимых в принципе желаний.

Что я хотел тогда? Почему мне было так тяжело жить? Отчего возникало подобное непонимание? В принципе, я знаю ответ. Но видимо боюсь его озвучить. Боюсь, быть может и потому, что иной раз настолько это мне кажется мотивированным (и тогда, и сейчас), что я думаю –

мог бы и на самом деле прекратить течение жизни. Да и зачем мне она? И только что-то меня до сих пор удерживает. И тогда я искусственно выдумываю цели, которых следует добиться. Причем зачастую ставлю сложные и трудноосуществимые. И быть может только потому еще живу.

.....

Мне действительно кажется, что я до сих пор не раскрыл весь тот потенциал, который был заложен во мне от рождения. И уже потому – я находился в постоянном самосовершенствовании. Причем, процесс явно затягивался, и на каком-то этапе я стал замечать, что он превращается в длинную (порой слишком длинную) фантазийную цепочку запланированных без каких-либо конкретных сроков свершений. Ну, или достижений.

И тогда уже следовало вспомнить то мое состояние. Но это почти не представляет серьезных сложностей, потому как и сейчас почти ничего не изменилось. А единственно отличие заключалось в том, что со временем я научился как-то справляться с переполнявшими меня эмоциями. Но уже эти же самые эмоции, вероятно, можно сравнить с некой психической энергией, сила которой поистине огромна и до конца неизведанна. И в управлении ею заключался в какой-то мере смысл жизни. Вернее, если не смысл, то наверняка мои жизненные обязанности (обязанности перед существованием самой жизни), были в чем-то схожи с подобными стремлениями. А сами воспоминания вырисовываются в амальгаму чувств. И кажется, что смотрю я на что-то (схожее с собственной историей) со стороны, а не переживаю ее заново. Но вот в том-то и дело, что за обманчивой простотой воспоминаний таится мучительная боль переживаний. Переживания вновь своего собственного бессилия. И ничтожества. Беспомощности перед собой. Убожества перед другими. И не должно быть мне прощения, потому как - не должны существовать далее такие как я. Но уже то, что я живу, лишь подтверждение необъяснимой странности этого мира. Мира удерживающегося при себе одних и отлучающих от себя других. Быть может более достойных. Наверняка, более достойных. Но, не судите, да не судимы будете. А кто прав – рассудит время.

Глава 22

Насколько можно было быть уверенным, что я отдавал отчет в происходящем? Сказать, что не отдавал, значит заранее расписаться в несостоятельности и наличии у меня, скажем, мнительности и подозрительности. Но говорить другое тоже не хотелось. Ведь у меня действительно была патологическая психика. И скрывать я это мог только от самого себя. Окружающие в подобном не сомневались. И вот разрешало подобную парадигму, как ни странно,

мнение, как-то высказанное одним моим знакомым. А он, ни много, ни мало, предлагал оставить все как есть. То есть, считать во мне наличие чего-то такого, недостаточно объяснимого; и уже именно эта необъяснимость самым удивительным образом должна была объяснить... в общем, должна была объяснить все что угодно; все, что только можно; все, что и вообще, могло когда быть.

А значит я как бы автоматически получал индульгенцию на все свое дальнейшее поведение. С чем я, вскоре, себя и поздравил. Насколько уверенно можно было сказать, что я находился в гармонии со своей психикой? Да, в принципе, вполне так можно было утверждать. Точнее, можно было бы утверждать,- если бы не эти состояния внезапной тревоги, которые, смешиваясь с другими состояниями симптоматики психических расстройств, приводили, иной раз, и к вовсе неожиданным результатам. Точнее, результатов как таковых не было вообще. А было что-то и вовсе невообразимое. От которого я - в безуспешности страдания - не знал куда спрятаться. Но это ведь вполне закономерный итог,-- как съязвил тот самый мой знакомый. Кстати, он сам мне казался весьма странным. И особенно выделялось присутствие в нем удивительного сочетания патологии характера и какой-то, иной раз необъяснимой, ясности ума. Но только на первый (поверхностный) взгляд это оказывалось понятно. Стоило только чуть понаблюдать за ним, и вы уже не могли отделаться от ощущения сопричастности к какому-то сумасшествию. Ощущая, что еще немного, и начнете сходить с ума сами. Притом что сам мой знакомый в это время мог чувствовать себя прекрасно. Нет, конечно, без всяких сомнений, его – как и меня - можно было причислить к людям, погруженным исключительно в свой внутренний мир. Мы на самом деле большую часть времени проводили там. Но, случалось, как будто что-то находило на меня, и тогда я начинал демонстрировать свойства характера, совсем как будто мне не свойственные. Противоположные замкнутости. И с этим тоже надо было, как минимум, считаться. А ведь были еще и немотивированные вспышки агрессии, ярости, откровенные желания наругать, нахамить, обозвать, перемешивающиеся с сарказмом. Словно я всегда был именно такой. И смею уверить, ни у кого из хотя бы незначительное время знавших меня (кто знал долго - успел привыкнуть), не возникало желания удивиться - куда же делся тот флегматичный интроверт, который только недавно казался забитым и покинутым? Человек, опасющийся ненароком обидеть кого-то даже взглядом. И теперь проклинаящих всех самыми грубыми словами.

В этом был я.

Думая об этом, я склонялся к мысли, что вероятно увлечения философией в какой-то мере лишь усугубляло проблему. Нахождение в вечном поиске себя - погружало меня в свой внутренний мир. И требовались почти невозможные усилия, чтобы извлечь меня наружу. При этом я сопротивлялся подобному желанию кого-либо. И приходил к заключению, что все эти вспышки агрессии ничто иное как взрыв накопившейся энергии. То, что у других могло находиться в каком-

то равновесии, в случае со мной явно сдвигалось в одну сторону. Ну и конечно, все эти вспышки да взрывы (каждая вспышка напоминала взрыв) были защитной реакцией организма. Реакцией -- так похожей на сумасшествие.

Не все, правда, так считали. Тот же мой уже упоминавшийся знакомый был несколько иного мнения. В те редкие минуты, когда удавалось его выманить на откровенный разговор, мне приходилось чувствовать себя самым настоящим подлецом. Как будто обидел я ребенка-младенца. Потому как, стоило мне только начать говорить, и уже разом отпадали сомнения в какой-либо его неискренности. А значит, и нечестности. А какое-либо присутствие тайного умысла (распознаванием которого в других, я, бывало, грешил), в случае с ним было и вовсе неуместно. Он был честен, искренен, и - невероятно глуп. Точнее, от чего-то стремился казаться таким. Быть может, чтобы его зря не беспокоили? Причем, по настоящему глупости в его мыслях было немного. А вот в поступках... Житейские поступки (регулирующие нормы поведения в социуме), к сожалению, принимали, по меньшей мере, странный характер. Можно даже сказать, они были необъяснимы по характеру как самих действий, так и последствий, которые вызывали совершением их.

Но ведь и я своими поступками иной раз был сродни ребенку. Причем, малому ребенку. И зная это, я все больше и больше отдалял себя от каких-либо контактов с внешним миром. Например, как-то я оказался на симпозиуме. Лишь только подошла моя очередь выступать - я сначала покраснел, потом - после явно затянувшейся паузы - произнес несколько слов, пережевывая эти самые слова самым бесцеремонным образом. А потом и вовсе впал в ступор. И больше никто не смог из меня выжать ни слова. А после я хватился денег. Их не было. Паспорта тоже. Нагрубив в гостинице, я с трудом дал уговорить себя разместиться на ночлег у одного из местных ученых. Вернувшись из командировки, тотчас же поспешил на почту чтобы выслать деньги (которые, поддавшись все тем же уговорам от коллеги, взял на обратный билет). А уже на подходе к главпочтамту понял, что не взял у коллеги адрес. На следующий день, я все же выслал деньги. Но вот куда? Это было поистине загадкой. Нет, адрес я все-таки нашел (справившись в институте, в котором работал мой «благодетель»). И отправил деньги. Причем, забыв сумму, которую был должен, выслал почти вдвое больше. Коллега деньги получил. О чем тотчас же поспешил сообщить, догадываясь о невротических свойствах характера моей личности. Но все это время я ходил сам не свой. Ужасно переживая, и ругая во всем себя. Впрочем, подобное лишь капля в море житейских неудач. И в отдельных случаях мне самому казалось настолько все нереальным, что закрадывалось подозрение о вполне сознательном изображении мной пародийности собственной жизни. Хотя я даже никогда не шутил. Просто неприятности притягивались ко мне. И я не в силах был им сопротивляться. И уж тем более у меня никогда не было даже подобия какой-то игры. Я

всегда не только был серьезен, но и считал иное отношение к жизни вовсе не уместным. А потому и страдал. И уж если у кого действительно возникало желание попытаться разобраться в типичности моей натуры, то примеряли они скорей всего маску именно патологической личности. Как наиболее схожую с личностью моей. Однако и тут, по всей видимости, не следовало быть столь категоричным. Иной раз я производил впечатление очень даже нормального человека. Но тогда уже, и в этой моей нормальности (положа руку на сердце) скорее все же просматривались черты ненормальности. Что, в принципе, только увеличивало интерес к моей персоне. И уже тогда - вполне можно заключить, что я обладал одним удивительнейшим и редчайшим качеством: я позволял каждому видеть во мне - самого себя. И в этом, на мой взгляд, и заключалась притягательность моей фигуры.

Глава 23

Я не мог подумать, что будет так плохо. Никогда подобного не было. Но именно сейчас обстоятельства складывались таким образом, что я просто обязан принимать условия, навязываемые мне самой природой. Хотя, что это было? И действительно ли я обязан был (уже получается - обязан?) принимать навязываемые мне со стороны правила игры? Этого я не знал. Как не знал и того, что из себя на самом деле представляю я. И отчего-то мне все время казалось, что в последний момент все еще может измениться. А то, что происходит сейчас со мной - происходить не должно. Почему-то казалось что не должно. Хотя на самом деле - вряд ли я отдавал отчет в том, что в реалии со мной происходило. Ведь могло так случиться, что на самом-то деле ничего не происходило. А что случилось - служило невольным поводом к чему-то подобному. Что так и осталось этим чем-то. Неуверенным и непонятным...

Я запутался. Словно переживая за то, что все обстоит именно так, а не иначе. И чем больше я думал об этом, тем мне становилось хуже. Еще хуже. Хотя, наверное, хуже, чем было теперь - уже и не могло быть. Можно было спросить: к чему я стремился? Можно было постараться забыть что-то подобное. Быть может даже - спрятаться от него. Закрывшись внутрь себя. И словно бы намеренно предпринимать нечто, что не мешало бы мне. Как минимум не мешало. Но если рассудить, что это все действительно было так. Если я просто обязан был принять во внимание как раз именно такой расклад. То не означало ли это, что ничего со мной в реальности не происходило. А все это было - игра воображения. Потому что у меня совсем скоро не оказалось и тени сомнения в том, что я делаю что-то не то. Не то и не так. Что мой мозг, заметно перегруженный закачиваемой в него в течении жизни информацией, теперь выдавал нечто иное. Непохожее ни на что. А я пытался ловить

и анализировать эту информацию. Изначально убеждаясь, что это бесполезное занятие. Глупое и ненужное. И тогда уже я сам (как бы вследствие этого) ни на что не способен. Не был способен. Хотя, наверное, нельзя было утверждать, что я совсем не противился подобным обстоятельствам. Но такова была жизнь. И, по крайней мере, пока изменить я ничего не мог. Да и был, наверное, не способен. Не способен хотя бы потому, что не было у меня такого желания. Желания противиться чему-то. Чему-то тому, что существовало во мне. Того желания, которое во мне существовало. Ибо оно уже как бы изначально противоречило всему, мной когда-то загаданному. И - загадываемому. И тогда уже чаще всего получалось с точностью наоборот. И если я к чему-то и стремился, то это стремление было неким долгом памяти себе. Тому человеку, который еще с недавних пор существовал во мне. И который управлял моими поступками, возможностями, желаниями. Желаниями, которых не было. А что было? На самом деле ничего не было. И лишь только где-то на заднем плане был я. Длинный, худой, нескладный. Сутулый. Тогда я еще был сутулый. И должно быть, самое оптимальное было бы для меня жить где-нибудь в недрах земли. Ну хотя бы в пещере. Чтобы лишь иногда (и, зачастую, ночью) выползать наружу. Да и то, наверное, лишь только затем, чтобы до конца не забыть, что существует еще и другой мир. Мир, который я ненавидел. Мир, который каким-то образом приносил мне лишь несчастья. Мир, частью которого был я сам. Но словно бы упорно пытался это отрицать.

.....

Судьба мне давала многое. Просто я сам не мог вовремя этим воспользоваться. Ну а то, что проходило время, и я начинал это понимать, -- словно служило невольным подтверждением этому. Грустным, конечно, подтверждением. И еще более грустным казалось то, что, сколько я не пытался исключить грусть от подобных ошибок в будущем - не получалось. Прежде всего потому, что я продолжал совершать ошибки в своем настоящем. Причем я не знал в своем настоящем, что совершаю ошибки. А тщательный анализ каждой предполагаемой ситуации ни к чему не приводил. Еще и потому, что ошибки иной раз состоялись в ситуациях, возникающих внезапно. Да и к тому же, мозг мой был устроен так, что ему необходимо было ни в коем случае не держать в себе информацию. А все что приходило в голову - выдавать сразу. От того, и при возникновении какой-либо ситуации, я не решался тянуть время, обдумывая ее. А действовал сразу, решительно и бесповоротно. И всегда был уверен, что совершаю нечто правильное и осознанное. По крайней мере, в своем настоящем ошибок я не видел. И только много позже оказывалось, что я ошибался. А существующие ошибки приносили мне ощущение вины. Причем, иной раз, это ощущение вины было столь мучительно, что совсем не удавалось от него избавиться. И оставалось лишь молча взирать на происходящее. Сомневаясь, что вообще существовал выход из положения. Хотя он

видимо все же существовал, - считал я. Просто я мало кому о том рассказывал. Да и не было у меня особого желания с кем-то чем-то делиться. И даже не от того, что был я таким уж скрытным. Я даже наоборот, если кто мне задавал вопросы (любого характера) - стремился тут же на них ответить. Причем, зачастую, придерживался отличной от большинства точек зрения по каждому вопросу. Я вообще не любил большинство. И скорее походил на единоличника, чем на человека команды. И, наверное, объяснялось уже это в свою очередь тем, что мне трудно было найти для себя похожего на меня. Обязательно кто-то был или с интеллектуальными способностями ниже, или - выше. Равных не было мало. Правда, я мог предположить, что просто не искал. Но пока и тех с кем я встречался, мне было достаточно, чтобы не вдаваться в особые поиски; не ожидая от таких поисков результата. И считая, что пока достоин того что есть. А если что произойдет, так это все равно пойдет мне исключительно в пользу. По крайней мере, возникнет новая ситуация, которая потребует своего разрешения. А любое разрешение - есть частица жизненного опыта. К приобретению которого я всегда относился с огромным желанием.

.....

Всяческим путем, как только это было возможно, я изыскивал пути выхода из проблемы. Какая была проблема? Все просто. Меня затаскивала к себе ирреальность. Другими словами, я становился не только свидетелем, но и прямым участником беды под названием подмена реальности. А все недавние попытки от этой беды освободиться - носили исключительно краткосрочный характер. И разрешаясь на какое-то время, через промежуток этого времени (в последнее время совсем даже небольшой) я вновь оказывался в болоте. Болоте, именуемом - пороки. Я стал заложником этих пороков. Я тонул в них, и искал помощи. Причем помощь должна была ко мне придти специфическая. Я ни за что не стал бы кому-то рассказывать о том, что меня действительно мучает. Так, невольные штрихи да наброски, из которых если и можно было сложить единое целое, то только в случае, если собрать все мной сказанное различным людям, систематизировать это, отбросив лишнее и то, что только уводит в сторону, а попросту сбивает с толку, и тогда уже только потом, на базе этого, попытаться развить какую-нибудь теорию. Что, сразу можно было заметить, было неудачным обнаружением того, что действительно мучило меня. Хотя и, наверное, что-то позволяло понять.

В итоге, понимая, что даже при всем желании рядом нет тех, кто смог бы мне помочь (для этого как минимум этот кто-то должен был обладать знаниями не меньше чем у меня), я решил до всего дойти самостоятельно. Причем искренне верил, что если взяться и проанализировать проблему, то можно найти определенную формулу, согласно которой выстроится соответствующая модель поведения, ну и жизнь после этого станет легче. Я ведь все-таки был

доктор наук, академик, автор множества научных книг, был холост, имел шизоидную внешность и странность по отношению ко всему, что невольно окружало меня в жизни. Невольно - значит, что сам я не имел к созданию подобного никакого отношения. То есть, уже получалось, вокруг меня было много того, с существованием чего я сталкивался, но понять необходимость существования никак не мог. И у меня катастрофически не хватало времени с этим разобраться. Я уже сменил не один блокнот, в который заносил как будто неотложные вопросы, с которыми необходимо было в самое ближайшее время разобраться, но блокнотиков накопилось несколько, а к разрешению ни одного из вопросов я так и не приступил. И наконец решил махнуть рукой, тем более того, что требовало разрешения, пока и так было более чем достаточно.

Причем ко многому я возвращался повторно. Но это не приносило никакого результата. Положительного результата. Который пока у меня не получался, даже несмотря на то, что все что я делал - делал быстро и со стороны казалось - не раздумывая.

На самом деле думал я как компьютер. За долю секунду пропуская через себя гигабайты операций в секунду. Проблема только, что я медленно (но верно) перемещался в какой-то другой мир. То есть подменял мир настоящим - миром реальным. И даже несмотря на то, что подобную проблему заметил,-- не смог с ней ровным счетом ничего сделать. Ну, не получалось у меня. Слишком многое отвлекало и казалось первостепенным и важным. Более важным. Тогда как где-то краем подсознания я понимал, что попросту запутываю себя. И это понимание не приводило ни к чему. Оно лишь откладывалось у меня в памяти. И периодически напоминало ухудшившимся состоянием. Мигренями, например. Или какой нехорошей симптоматикой (расстройствами всякими). Но вот интересно - на работоспособность совсем не влияло. И та даже постепенно возрастала.

.....

Сон у меня давно уже снизился до четырех часов. На пустые дела я не позволял себе тратить время. И всецело поглощал знания, читая, сочиняя, в общем, работая. Причем за эту работу мне платили вполне приличные деньги (на минимальные нужды не только хватало, но я еще ездил за свой счет на какую-нибудь конференцию, которая не была в планах академии наук, за границу). Так что я мог себе позволить не отвлекаться на поиски дополнительных источников заработка и посвящал себя исключительно любимому делу.

Подход я всегда любил основательный. Лишь минимально допуская какое-либо «творчество», и ориентируясь в первую очередь на фундаментальность. Причем до последнего времени мог сказать, что подобный подход был оправдан, потому как приносил свои результаты. И

так это действительно было. Вот разве что совсем недавно мне показалось, что это не есть хорошо. Ну, то есть, то, что по-прежнему находил я ответы на вопросы – это хорошо. Но то, что все ответы в итоге оказывались друг на друга похожи - плохо. Даже очень плохо. Потому как, подозревал я, не давали на самом деле они достоверности картины происходящего. А то и способны были уводить в сторону. Иной раз очень. Запутывать, в общем. Подменять истинную картину - ложной. Не существующей. Или же если и существующей, то уж в очень специфическом спектре восприятия.

А в итоге оказывалось, что все неправда. И мне необходимо было действовать иначе. Применять совсем иные методы исследования. Ведь в том, что на протяжении долгих лет происходило исследование моей жизни, я не сомневался. И я нисколько не боялся подобного понимания. Потому как знал, что в совсем скором времени непременно найду ответ. Тот ответ, к которому я всегда и стремился. Ну и даже если какое-то время придется подождать... Ну, я в общем-то, этим всю жизнь и занимался. Ожиданием. Поэтому подождать еще какое-то время был готов. Конечно же, готов. Ну а почему нет?

Глава 24

Кто бы мог сказать, что все так случится. Никто. Конечно же, никто. Никто не мог знать, что я настолько изведу себя придирками, что вдруг заболею и чуть не умру. По крайней мере я попал в больницу и пролежал там несколько месяцев. А когда вышел, то с удивлением стал обращать внимание на все, что меня окружало. Потому как, на первый взгляд, ничего не изменилось (дома, деревья, трамваи и проч. были окрашены в тот же цвет, как и пару месяцев назад, и имели схожие параметры относительно прочего окружающего мира). Но вот люди стали вести себя иначе. Я вдруг заметил, что никто из людей уже не вызывает во мне такого уж негатива. Все как будто стали милы и привлекательны. Быть может даже умны. И что уж точно - весьма обходительны. Приветливы, в общем. И улыбались. Я вдруг заметил, что люди улыбаются. И это было для меня удивительным откровением. И вроде как и хотел я при этом изменить что-то в своем сознании, да не мог. И восприятие мира - не менялось. Оставаясь таким. Ну, странным, что ли»,--как считал я. Притом что и я сам удивительным образом изменился. Вместо шизоидности, которая всегда прочитывалась в моем взгляд и уверенно дополнялась внешним сходством с людьми, подпадающими под категорию шизиков, теперь все поменялось. А в моей внешности стали читаться ум, расчетливость, и хитрость. Причем я заметил, что меня удивительным образом перестали обманывать в кассах (будь-то кассы магазинов, где меня традиционно обсчитывали, или касс вокзалов, где норовили подсунуть билет по другим ценам, а кто-то еще умудрялся и в другом направлении). Сейчас этого уже не было. Со мной стали считаться. Даже студенты (помимо работы в НИИ, я еще преподавал в ряде вузов)

разом прекратили свои шуточки на уроках, больше не смеялись, а самым удивительным образом стали ловить каждое слово своего преподавателя. Как будто знали...

.....

Мне стало казаться, что он скоро умру. И весь мир стал стремиться успеть пожить со мной какое-то время. Пока я навсегда не покину этот мир. Странный мир, конечно. Но в том-то и дело, что мир был странен раньше. А сейчас я был преисполнен решимости жить. Мне даже повысили зарплату. И неожиданно стали доплачивать за докторскую степень. Причем все словно бы повернулось ко мне лицом в один момент. Все стало хорошо. А на душе обещало быть спокойно.

Как бы не так! На душе все чаще начинали скрести кошки. Я вдруг поймал себя на мысли (после очередного анализа, к которому вернулся - не мог я так быстро прекратить подобную форму размышлений), что теперь просто-напросто боюсь все потерять. Раньше у меня ничего не было, теперь фактически тоже почти не было, но то, что было (вернее - стало), я боялся потерять. Переживал даже... Глупец,- воскликнул я про себя.- Я еще что-то переживаю. И это сейчас! Когда жизнь разом улучшилось. А мне не требуется сотрясать свою душу невольными сомнениями. Действительно глупец.

Я еще несколько раз повторил про себя это слово. Оно мне на удивление нравилось. Притом что смысл был по сути обидный. И еще раньше я мог бы так и сказать. Но вот сейчас говорил, но словно бы мимо пропускал смысловое значение слова «глупец». И даже мог,- если бы меня спросили,- пояснить, что глупец в данном контексте совсем не глупый человек. А человек, которого кто-то намеренно вводит в заблуждение. А он всячески противился этому. Но все равно заблуждается. Как, возможно, заблуждается и сейчас, считая себя...

--Да нет же, черт возьми!- закричал я. Я не дурак.

--Ни в коем случае,- произнес я уже спокойнее, и соглашаясь с собой, что если бы я был дурак (даже если и придурок), на меня бы не свалилось столько душевных благ. И даже можно было сказать, что со мной и вообще мало что произошло бы хорошего (доброе и положительного). А все бы наоборот - показалось бы более чем плохо.

Я сдержался. Ругаться я не любил. Даже про себя. Ну, разве что иногда вспоминал черта. Да и то, не к ночи будет сказано, старался если и вспоминать его, то исключительно мысленно. И как бы уже получалось, не по-настоящему. А что касалось разговоров с собой... Ну, можно сказать, что я иной раз практиковал подобную форму общения. Друзей у меня было, конечно, не много. И большинство из них мне были непонятны. Хотя я иной раз с ними общался. Приглашая к себе, или встречаясь в кафе-баре-ресторане (в зависимости от настроения - выбиралось соответствующее

питейное заведение). Причем, чтобы ни в коем случае не создалось впечатление обо мне как о пьянице - скажу сразу, что пьяницей я не был. Хотя и был склонен к алкоголизму. Но умел держать себя в руках.

.....

Со временем я вполне свыкся со своим новым состоянием. Притом что оно мне даже в какой-то мере понравилось. Нравилось быть чудиком? Ну, вполне может быть и так. По крайней мере я уже не испытывал от этого тех мучительных последствий, которые еще вроде как были поначалу. Можно ли было это назвать тем, что я свыкся?.. Ну, в какой-то мере, наверное, да. Особенно если учитывать, что я стал испытывать какое-то особое состояние духа. Даже чуть ли не подъем неожиданный. После чего многое в моем сознании вообще стало на свои места. Структурировалось. А жизнь предстала в совсем ином цвете. И была окрашена на удивление положительными эмоциями. Тогда как раньше я мало что испытывал подобного. Ну, все как-то не складывалось...

Глава 25

Страх съедал меня всего без остатка. Судорожно пытаюсь уцепиться за что-то радостное и светлое, мысли терпели неизменный крах. И я совсем не мог думать ни о чем больше, как только об ожидании неизбежно прогнозируемого несчастья. Несчастья не какого-то конкретного, а вполне реально существующего, но пока еще не видимого мной. И я совсем не знал, как поступить мне сейчас, и как поступать завтра, и не знал, что необходимо было еще предпринять, потому как мог предпринять все, и - не мог ничего. Я трясся в неведении больше чем от страха. И, вероятно, потому как этот страх расценивался мной не иначе как страх неведения, мне было намного тревожней, печальней, опасней. Что было у меня завтра? Чего я на самом деле страшился так? От чего пробирает от ужаса меня всего без остатка? Слишком поздно... Если и задавать вопросы - так делать бы это чуть раньше, а теперь... Теперь, страх уже почти полностью заполнил меня. Я сросся с ним. Мое «Я» живет под воздействием навязанной мне силы, и кажется... Хотя, что там кажется, когда именно так все и есть. И не возможно мне не подчиниться этому страху. Удивительно, как я сопротивлялся раньше. Быть может потому и заранее неудачны все предпринимаемые попытки. Страх живет в нас от неизвестности, - в который раз повторял я для себя известное правило. Правило чего? Должно быть, - избавления от страха. Но сейчас испытанное средство не

действовало. Что это могло означать? На какие выводы должно было меня наталкивать? Что необходимо было предпринять, дабы навсегда избавиться от страха?

Вопросов больше чем ответов. А мне становилось все хуже и хуже. И готов я был кричать от ужаса, но с трудом себя сдерживал. Ибо никогда не любил выносить бушевавшие во мне эмоции за рамки личности (тем самым, проецируя это на других). Потому как считал, что ничего не может быть хуже, чем, то, что кто-то посторонний должен был страдать, отдуваться, даже просто терпеть неудобства за нас. Личная жизнь и называется личной, что не требует вмешательства извне. В ином случае, - нарушаемые нашим ненужным выплеском энергии мысли других людей неизменно заставляют их пытаться искать пути спасения уже от нас. И мы теряем некогда близких людей.

Пожалуй, нет ничего страшнее чем то мое состояние, в злой власти которого я находился. Все мысленные попытки сконцентрироваться наталкивались на стену непонимания почему-то отключившегося сознания. Тогда я заставил себя закрыть глаза и провалиться в сон. Но сон не приходил. Вернее не наступало то знакомое прежде состояние, которое выражалось значением слова дрема, и почти всегда раннее служило неким переходным пунктом между сном и явью. Я не спал. И все же я спал. А значит, на самом деле, это состояние все же наступило. Но вот... отчего-то казалось мне, что оно как-то слишком... затянулось. В какую-то секунду я стал понимать, что меня не принимает сон. Но он же... и не отпускает. Сколько я могу находиться в этом подвешенном состоянии? А сколько вообще возможно?

Неожиданно я ощутил в себе боль. Боль, имеющую какую-то странную, неосязаемую основу. Как будто и была она и ее не было. Но внутри, где-то в глубине души и тела, я ощущал расходившиеся во все стороны волны скорби, вытягивающие вслед за собой печальные лопнувших струн. Аккорды опустошенности, играющие в своем неосознаваемом неведении печальные мотивы, в которых почти что разом угадывались и одиночество, и печаль, и тоска, и даже какая-то жизненная неустроенность. Случайность жизни. И эта неизведанная боль словно вытягивала за собой тотчас же навалившиеся тревожные ожидания. Как будто в одночасье перечеркнув пути к спасению и отступлению. И вслед за случившемся неосознаваемым видением, кавалькадой из пронесившихся передо мной несбывшихся надежд, желаний, сомнений, уходила куда-то прочь и большая часть меня. Так что практически в одночасье я растерял то, что еще недавно мог ощущать где-то около себя, зная, что это именно мое и ничье больше. Но теперь вот как будто уже и самого меня не осталось. А было ли? Существовал ли я когда? Или это лишь затуманенность да оптический обман всей той иллюзорности бытия, окружавшей меня когда-то? Но ведь почти наверняка это может означать, что я еще и до сих пор живу. Живу. Но что это за жизнь?

Глава 26

Память не отпускает. А то и наоборот, когда кажется что началась совсем другая жизнь, неожиданно накатывает волна такой жуткой боли, что ты уже и не задумываешься даже: есть ли спасение этому. Первый раз я почувствовал, что окружающий мир изменил свои границы, уже давно. Но с тех пор как будто бы ничего не изменилось. Я даже думаю сейчас, что, по-видимому, моя судьба просто учила меня жить новой жизнью. Жить немножко в другом измерении.

Насколько я был хорошим учеником? Наверное, прилежным был точно. Потому как несколько раз порывался даже завести какую-то особую тетрадь, в которую бы заносил разницу между прежним ощущением реальности и нынешним. Эх, если бы я тогда это действительно сделал. Насколько было бы сейчас легче что-то сопоставить, узнав, как далеко я с тех пор зашел за черту, отделяющую реальный мир - от моих иллюзорных представлений о нем. Отделяющий трезвую действительность - от психопатологической реальности. Но стоит ли так об этом говорить? Ведь я еще думаю вернуться назад. Точнее, хочу вернуться давно. Но что кому-то до моих каких-то желаний?

.....

Несмотря на кажущуюся психопатологию души, я пытался высвободиться от пут окутавшего меня безумия. Хотя, по всей видимости, такого уж безумия еще не было. Я по крайней мере мог еще выполнять те немногие обязанности, выполнение которых считал своим долгом. О какой-то работе в коллективе, правда, не могло идти речи. Все попытки заканчивались одинаково. Сначала я завораживал своей внешностью, манерами держаться и образованностью, а потом все старались любыми способами от меня избавиться. Точнее – я от них. Потому что сотрудники вдруг понимали, что с моим приходом в их еще некогда дружном коллективе начиналась такая борьба за место под солнцем, что о работе уже никто не вспоминал. И как-то быстро все приходило к заключению, что виной тому - я.

Но я не хотел никого ссорить. Я даже наоборот - все время сопротивлялся этой моей «особенности». Но все время выходило одно и то же. Наступал момент, когда я по совсем не зависящим от меня причинам находил в каком-то сотруднике такие черты, которые были неприятны другим. Но не всем. Конечно же, не всем. Но обязательно находился кто-то, у кого подобное вызывало злость и ярость. Ну а я делал все, чтобы такие люди «находили друг друга». Обладая весьма расстроенной психикой, я невероятно легко находил какие-либо пороки в других. Причем для меня уже не имело значения, что человек, быть может, стремился сделать все, чтобы о каких-то его особенностях поведения не узнали. Я просто не замечал этого.

Но случалось, что люди сопротивлялись моему тайному влиянию. Ведь так случается, что ради удовлетворения каких-либо собственных амбиций кто-то вполне согласен и не замечать странности других. И тогда ничего не происходило. И мне бы на этом остановиться. Но я уже не мог сдерживаться. И давал волю тем тайным силам, которые находились в постоянной готовности в глубине моей души. И тогда еще недавно дружный и сплоченный коллектив - начинал походить на очаг напряженности. А руководитель хватался за голову, выискивая способы навести былой порядок.

Чаще всего это не удавалось. И после увольнения ряда сотрудников - оказывалось, что именно они были ключевыми фигурами, на которых держалась вся работа. И многие компании (в которых пришлось поработать мне) закрылись. Но и там, где через какое-то время удавалось помирить сотрудников, - прежнего мира уже не было. И еще долго такие фирмы находились в явных аутсайдерах, безуспешно пытаясь выйти на прежний объем продаж. (Какое-то время я работал в рекламных фирмах. И с моим приходом - некоторые особо выгодные клиенты ушли навсегда).

Глава 27

Отчаяние... Жуткое отчаяние преследует меня... Я не знаю, как с этим справиться... Я не знаю, существует ли вообще какой-то способ высвобождения из этого... Из этого состояния души... Моего теперешнего состояния... Ибо казалось, еще недавно - и в правду все было совсем иначе...

И тогда уже - имею ли я право жить? Имею ли я право и дальше приносить людям несчастья, которые на них обрушиваются, когда я оказываюсь рядом с ними. И если это действительно так, если я несу своей жизнью только боль и страдания окружающим, то я не имею право на существование. Не имею. Не имею... Но живу.

.....

Мне всегда хотелось узнать: что там внутри? Причем, совсем не интересовала схема устройства головного мозга. Даже было безразлично, что скрывается под черепной коробкой. Знал что мозг. И этого было достаточно. Меня интересовала структура психики. Психические механизмы. Возможность ответить на вопрос: почему мы совершаем те, а не иные поступки? Отчего рождаются в нас различные желания? Что стоит за самой способностью возникновения мыслей? Можно ли как-то контролировать этот процесс. Регулировать его. Направлять в нужную для тебя сторону. Изменить первоначальный мотив возникновения желаний. А если научиться

контролировать их? Вопросов было много. Ответы, иной раз, почти совсем исключали сами себя. Дополнительно внося сумятицу. Запутывая. Перегружая и без того затуманенное сознание. Однако я не сдавался. Я не собирался останавливаться, даже если в какой-то момент спохватывался, что в своих выводах оказывался отброшен назад. Чуть ли - не на исходную.

И тогда я возвращался обратно. Почти напрасно стремясь к чему-то, цепляясь за правильный ответ.

И порой становилось грустно. Грустно, что ничего у меня не получалось. Грустно, что ни на дюйм я так и не приблизился: к разгадке. И тайна еще более упрочивала свои позиции. А какая-то возможная разгадка вместо разрешения еще больше отдалялась от меня. Пряталась в раковинке. Усиливала свою неразрешимость. И как будто совсем и не предполагала ответ. Решение. Наличие решения. Решения, способного приблизить меня к истине.

И в какой-то момент я запутался сам. Что я искал? К чему стремился? Хотел ли на самом деле добиться наличия решения? Или все это большей частью была бутафорская сказка. И мне совсем был не нужен ответ. А важен сам процесс. Процесс поиска истины. В какой-то мере даже – тренировка собственных мозгов.

Как знать, куда бы я дошел в собственных измышлениях с таким вот подходом. Но видимо сжалилась судьба. Послав - просветление. В виде совсем даже (как мне показалось тогда) чудной идеи. Суть ее заключалась в том, чтобы найти, так сказать, первоисточник. Своего рода - проводника. Благодаря ему смог бы я чуть ли не разом разрешить создавшиеся противоречия. И нужно-то было совсем ничего: познакомиться с человеком, находящимся в состоянии измененного сознания. Причем, быть может, даже не постоянно находящегося в нем. А иногда. То есть человека с некими пограничными состояниями, где с одной стороны границы – разум, а с другой - сумасшествие. И этого было бы достаточно. Потому как, на мой взгляд, предполагались у такого человека некие способности. Способности погружаться в глубины собственной психики. И что было необычайно важно – способности возвращаться обратно. Ведь я не искал стопроцентного шизика. Такие раз погрузились в пучину безумия и обратно уже не возвращаются. А мне нужен был полу псих. Который все-таки иногда возвращается их мира сумасшедших мыслей в мир мыслей хотя бы более-менее адекватных. И такого человека я нашел. Но вот после общения со мной у него началось такое жуткое расстройство психики, что я решил отказаться от своих экспериментов. Ибо понял, что погрузится такой человек в пучины своего безумия – а обратно уже не выберется.

Глава 28

Я как-то поймал себя на мысли, что если отбросить клубок очередных, сопровождающих всю мою жизнь, противоречий, то оставшаяся жизнь - по тому, что ее будет окружать тогда - будет совсем скучна и неинтересна. Но если оставить все как есть - будет, вероятно, еще хуже.

Я уже писал, что на протяжении последних лет имел возможность сравнивать свою жизнь с жизнью одного знакомого. Тоже сумасшедшего. Причем так сложилось, что и я и он оба имеет степени по психологии. Так вот, мне все-таки кажется что мне несколько легче чем ему. И мы держимся вместе. Относительно, конечно. Но вместе. Чтобы при случае – помочь друг другу.

.....

С недавних пор моя жизнь делилась на два отрезка. Первый - когда поселившаяся внутри печаль еще совсем не думает уходить. Это утро. Второй – вечер, когда отпускаяло.

Второй период был самый долгожданный. Ибо тогда я мог вздохнуть полной грудью. Ибо совсем уже в этой груди не оставалось ничего из того, что ее окружало днем. И выходило, что я с самого утра знал, что смогу по настоящему жить - только к вечеру. А то и,- к ночи. Ибо только ночью по настоящему получал я индульгенцию от дневных кошмаров. Я даже график своей жизни изменил, сместив все, что было самое ценное, на вечер. А на первую половину оставив дела совсем неотложные.

И лишь только просыпался я, и еще не вставая с постели чувствовал растекавшуюся по телу волну накатывающейся тревоги; ощущал чувство вины (будучи не перед кем не виноват); чувствовал страх - до того никогда никого не боявшись; и сам себя заставлял верить, что в моей жизни поселился страх.

Считаю ли я, что было это следствием всей до того безбедной жизни? Не знаю. Я действительно не знаю. Но ощущая что-то новое внутри себя, я впервые ловлю себя на мысли, что боюсь чего-то нового. Нового и неизвестного. Потому как, что может более печальнее неизвестности.

Мне неожиданно пришло видение того, как следует воспринимать то, что случилось. Что если воспринимать все это как жизненный опыт? Безусловно, индивидуальный у каждого. Я все гадаю когда это началось. Первые чувства тревоги появились, скорее, когда я был подростком. К этому периоду я отношу стадию насыщения моего мозга информацией, которой, собственно, уготовано быть первой в цепи необычайных превращений, произошедших со мной. Читал я тогда (как и сейчас) много. Очень много. Однако, если в юности мое чтение носило ярко выраженную беспорядочную форму (стремление получить энциклопедические знания), то в последнее время

стало более избирательным. И я наконец-то мог позволить себе несколько упорядочить чтение и ввести что-то похожее на цензуру. Дав добро на психологию, теологию, философию, историю, литературу. Оставив в последнее время почти только историю. Да и то определенного периода времени – историю второй мировой войны, которую я изучал по материалам 3-го Рейха или мемуарам выживших очевидцев. В основном западных. В российских все было неправда, так как подвергалось жесточайшей цензуре, после которой правда была вся выхолощена, а присутствовал один обман, угодный правящей власти.

И вот уже как последние полгода я явственно ощущал начавшиеся в моей психике изменения. Нет, пока еще то, чем я мог гордиться по праву - память - оставалась на прежнем уровне. На моем рабочем столе находились постоянно несколько десятков книг, которые я «проглатывал», запоминая все чуть ли до запятой. (Почти дословно мог цитировать любой только что прочитанный текст в объеме страницы или всей книги). Но было одно «но», и именно оно заставило меня серьезно задуматься о грозящем мне будущем. А будущее могло быть в психиатрической лечебнице. Ибо внезапно стал я ощущать, что поток запоминаемой информации начинает съедать, разрушая изнутри, и извлекая наружу различные - и страшные по своей сути - побочные эффекты. Как-то: страх, тревогу, неуверенность, ощущение... близкого конца. Смерти.

Видимо, до сей поры, мой мозг работал в таком авральном режиме, что теперь стало возможным возникновение тех проблемы, которые были. Нет, конечно, я догадывался что нужно просто остановиться. Подождать, пока все придет в норму, и лишь потом по новой начать вкачивать в себя информацию. Но вот остановиться-то я уже не мог! Стоило даже на миг замедлить бег и я уже буквально изнутри начинал разрываться от неудовлетворенности. И проходило это чувство только тогда, когда я заканчивал изучение - отведенных на день - полутора десятков книг (в большей мере научных). Дело в том, что только когда мой мозг работал на пределе, включался по максимуму, только тогда от меня отступали страхи и тревоги и я начинал жить. Только тогда наступало внутреннее успокоение.

И все было бы ничего, если бы я не заметил, что попал в, своего рода, зависимость. И теперь стало просто не возможно иначе. К тому же, достаточно трудно было прощупать грань самодостаточности. И в последнее время поток непрерывно вливающейся в меня информации начинал перехлестывать через край, неся в себе все те же разрушительные воздействия для психики. И в какой-то период я перестал понимать где грань между сознанием и подсознанием. Мне все труднее удавалось загнать свое (все чаще вырывающееся наружу) бессознательное. Оно начинало править, властвовать, довлеть над сознанием. И это могло привести куда к более печальным последствиям, чем даже предполагалось. Но я не мог остановиться. С каждым начинавшимся днем мозг требовал все новой и новой работы для себя. И я давал ему ее. Передо

мной до сих пор оставались нетронутыми десятки тысяч томов. И радость мою вполне можно было сравнить с радостью алкоголика, который знает что у него в запасе декалитры алкоголя. Подобная радость была и у меня. Нескончаемый поток знаний.

А потом... А потом мне вновь стало видится что я не один. Я не мог их разглядеть, но мне казалось что когда-то их уже видел. Сейчас они были неосознаваемыми. Но я не мог и от них избавиться. Любой, кто испытывал даже часть из того, что происходило с моим сознанием - был бы причислен мной к разряду сумасшедших. Но ведь про себя я так сказать не мог. Как, наверное, поостерегся бы сказать и про кого-то другого. А значит вновь мне оставалось замалчивать правду. Утаивать то, что давно уже должно было бы выбраться наружу. Из сознания? Конечно, из сознания. Ну, или из подсознания (из глубин подсознания). Это уже в зависимости от того, как кому больше нравится. Они скакали передо мной. Поначалу мне казалось, что это были реальные люди. Потом показалось, что это были тени реальных людей. Потом я уже стал понимать, что эти люди не могли быть реальными. А когда я не мог признаться в том, что это вообще когда-то были люди - я понял, что давно уже запутал сам себя. И как только понял я это - все, что до того перемещалось передо мной в диком танце дьявольского веселья - исчезло. Чтобы появиться вновь. Причем, это новое появление было настолько неожиданным, что я забыл про необходимость подвергать всё тщательнейшему анализу. Вот где нужно было бы возрадоваться чему-то, прятавшемуся внутри меня. Вот где нужно было ему воспротивиться. И это бы сопротивление наверняка могло привести если не к полному исчезновению всех этих потусторонне-навязчивых мыслей, то по крайней мере переориентации их. А это давало надежду полнейшего избавления от них.

А еще через время стали менять привычное очертание предметы. Это было так. Это не только было так, но и я к этому привык. Смирился с этим. И несмотря ни на что, продолжал жить. Хотя и, скорее вынужден был продолжать жить, чем жил. Но что мне оставалось? Я мог предполагать, что ошибаюсь. Что ошибаюсь настолько, насколько могло быть ошибочным все то, к чему я так незримо стремился. И это бы, наверное, по-настоящему было бы так, если бы только во мне не осталось чего-то, что явно и настойчиво всему этому противилось. Ну а значит и я не мог бы этому подчиниться.

Внутри меня сейчас происходило что-то невообразимое. Казалось, мои мозги или поджаривали на адском огне или играли друг с другом в пинг-понг, используя вместо лопающихся от ударов шариков - клетки моего мозга. И это притом, что я давно уже привык к ежедневной непрекращающейся головной боли. За время своего существования она даже стала мне родной. В те редкие минуты, когда ее не было, могу признаться, мне ее даже не хватало. И было как-то грустно без нее.

Что я мог противопоставить этой боли? Ничего. Я, как уже говорил, даже жаждал ее. Наслаждался ей. И что было, наверняка, я уже и не мог без нее.

Но сколько бы я не признавался в любви к ней - мои мозги продолжали вскипать в адском котле искрящегося сознания. И ничто не было способно прекратить этого издевательства. (О том чтобы заглушить боль не могло быть и речи). Я могу перечислить различные инквизиторские пытки. Я могу рассказать о многих способах самобичевания. Но это ничто в сравнении с тем, что испытывал я. И, конечно же, совсем не мог я надеяться на то, что это когда-нибудь прекратится. Нет. Я бы и не выдержал этого. Не выдержал бы прекращения страданий. Как, впрочем, и не выдерживаю самих страданий.

.....

А они все прыгали и прыгали передо мной. Окружающие предметы, исполняли только им известный танец: то приближались ко мне, то отдалялись от меня. И ничто не было способно прекратить весь этот кошмар разума. Но невозможно остановить - это не значит, что нельзя было попытаться сделать это. И я уже знал, что попытаюсь. И я уже знал, что действительно должен буду попытаться изменить такое неожиданное предначертание судьбы. Потому что совсем не считал, что это было действительно предначертано мне. А даже наоборот - я стремился (бессознательно стремился) изменить запланированное не мной. Потому что, если бы когда-нибудь в полной мере случилось это, то, если я и выдержал бы, то верно - не осознал бы что на самом деле произошло. А ведь случиться могло всякое. И наше понимание этого - как обычно, заметно отличается от того, как об этом следует думать на самом деле. Потому что наверняка, это все тот самый бред, который возможен только в состоянии переживания галлюцинаций наяву. И уже почти никак иначе. И даже то, что мне это в какой-то мере нравилось, могло свидетельствовать о понимании или не понимании (в зависимости от того с каких сторон это рассматривать) некой иллюзорности происходящего. И если в чем меня можно было бы обвинить, так только в том, что я сам не препятствовал всему этому. Ну, а можно ли было меня в этом обвинять? Как бы я мог препятствовать этому? Не было ли это частью меня? А можно ли было восстать против себя? Можно ли было даже противиться этому? Мне всегда казалось - что нет. Ну, а раз нет, то это вполне оправдывало происходящее. И мне не нужно было что-то изменять в себе. Потому что ничто не мог я изменить. Потому что ничто изменить я не был способен. Потому что ничто изменить я и не хотел.

Глава 29

Сколько себя помню, я никогда ничего и никого не боялся. А позволю задать вопрос: а что, собственно говоря, стоит бояться? И пытаюсь ответить сам себе, понимаю, что проблема намного серьезнее. Значительнее. И требует, вероятно, совсем иного разрешения. Если разрешить ее конечно - возможно.

Но по крайней мере, необходимо попытаться. Замечено было, что страх страху рознь. Но вот как распознать страхи те, что мучают сейчас меня? Какое найти объяснение им? Как, не только распознать, но и прекратить их?

Даже не знаю, как случилось со мною такое. Быть может виной тому излишек свободного времени. Но уже как бы то ни было, в последнее время я совсем не мог работать. Да и не только работать, но и вообще, заниматься хоть чем-то. Читать, писать, слушать музыку, рисовать. Может показаться, что это вроде как и относительные мелочи. Но если относительные, то лишь отчасти. Потому как точно также не был способен я выходить из дома. Разговаривать по телефону. С кем-то встречаться. Тем более, кого-то приглашать в гости.

А потому дверь, - мою железную дверь, - я закрыл на все четыре засова. Плотные шторы - опустил. И тишина... эта тишина... тишина оказалась весьма кстати. И тишина поддерживалась безукоризненная. Вплоть до слышимости мельчайших (и до того казавшихся незначительными) шорохов.

Однако, причина страха была не понятна. Это не значит, что я не пытался ее анализировать. Отнюдь. Даже можно сказать, только этим и занимался. Точнее, занимаюсь по сей день. Но до сути так и не докопался. И главное, все никак не мог выяснить причину возникновения его. Страх. А все попытки изначально оказались безрезультатными. И в своих измышлениях я не продвинулся ни на йоту. Чертовщина, какая-то. И пустота.

.....

Вероятно, все больше отклонялся в сторону в своих поисках. И со временем вынужден был убедиться в бесперспективности начатого. Да и за что я мог уцепиться? Что меня способно было вывести на верную дорогу? Да и какая из дорого верная? Та, где бродит (а может, как и я, таиться, скрывается) нужное решение? Или...

В какой-то момент мне стало невероятно грустно. Любые предположения отпали сами собой. Новые - не возникали. Но быть может и не плохо все это? То есть, я хотел сказать, может и не так все плохо? Потому как подобные неудачи заставили меня все пересмотреть по-новому. Под

другим, так сказать, сектором внимания. И уже казалось мне, что истина находится где-то рядом. Поблизости. (К никакой близости, впрочем, не располагая).

Но ведь вполне может так случиться, что важно не само происходящее, а то, как мы оцениваем его. И вот только зная это, долго я не решался приступить к отгадке. Лишь в какой-то момент понял, что промедление смерти подобно (заезжий штамп, к сожалению, уместен).

Но в чем мне следовало разобраться? Какого я ожидал результата? Выискивание причины, в принципе, бессмысленно, потому как вспомнил я, что периодические приступы страха сопровождали меня в течение всей жизни. Хотя, если быть точнее, то не всей, конечно. С детства.

Глава 30

Я не мог никуда выйти. Я заперся в доме. Я пододвинул - для надежности - к входной двери шкаф. А на окна хотел повесить решетки. Но это означало бы, что следовало пригласить в дом специалиста-строителя. Что мне делать совсем не хотелось. Потому как нарушало мое затворничество.

Я не собирался включать свет. Но с наступлением ночи от этого стало еще страшнее. Темнота пугала меня. И я зажег свет во всех комнатах. Но темнота не отступала. А страх не проходил. Да и причина страха (догадался я), шла откуда-то изнутри. И совсем не зависела от внешних факторов. А значит казалась неподвластной пониманию. Или, быть может, это общее следствие проявления страха. То есть, то - как считает мое сознание. Или, точнее, подсознание. Но с другой стороны, оно ведь тоже должно полагаться было на какие-то факты. Пусть и не до конца понятные мне. Но ведь страх должен был проявиться. Но с другой стороны, вполне можно допустить, что если мне кажется, что он проявляется так, а не иначе, то у кого-то другого тоже могут быть схожие проблемы. Но выразаться, например, как-то иначе. Но ведь такого не может быть. Мне отчего-то казалось, что так действительно не может быть. Не могло. Просто не могло уже тогда.

И вдруг я понял, что на самом деле все намного проще. Все до прозаичности просто. И разгадка проблемы не наступает потому, что она общая у всех. Но расходится по мелочам. И уже отсюда, когда-нибудь должен был наступить момент, при котором будут разгаданы все загадки. И тогда может наступить непоправимое: мир разрушится. Рухнут опоры, и планета сорвется в свой бесконечный и не управляемый бег. И это будет означать конец цивилизации. Да и вообще - всего.

- Но тогда мир получит возможность возродиться заново? - высказало предположение что-то находящееся внутри меня. То, что все чаще представлялось под разными личинами, не желая останавливаться на чем-то конкретном. А то и вовсе, распалось на несколько персон, имеющих каждый свою, отличную от другого, точку зрения.

Поначалу в подобные дискурсы я старался не вступать. Но потом что-то изменилось. Быть может просто понял, что это всерьез и надолго, а быть может смирился, как иногда смиряемся мы с наступающим неизбежным. И порой мы вели очень даже увлекательные беседы. И это притом, что я знал: в любой момент можно все прекратить. Переключиться на что-то другое менее сложное.

Что мне было делать в этой ситуации? Оставлять все как есть - значит в дальнейшем обрекать себя на неминуемое продолжение подобного состояния. Если же попытаться как-то воспрепятствовать наступлению его, то в этом случае есть опасность наступления того, что пока только предполагалось выше. Но его наступление вполне возможно. И, в принципе, попытка осуществить то, вполне может принести свои плоды.

Я резко одернул штору. Яркий свет ударил мне в глаза. Повинуясь первому желанию я зажмурился, но потом принялся бегать по квартире, срывая портьеры, отодвигая шкаф, открывая замки, распахивая дверь.

- Нет больше страха! Входите, кто желает! Делайте, что хотите! Я больше ничего не боюсь!

И тотчас со всех щелей, углов, открывшихся пространств стали выползать все те, кого я быть может и не опасался вовсе. И уже не заметил я сам, когда оказался подхваченный этим необъятным потоком, стремительно увлекавшим меня в никуда. Так что даже не было никакого смысла сопротивляться ему, и оставалось только смириться, подчинившись недавнему тому, чему я так долго противился.

И прошло всего ничего времени, покуда я и вовсе растворился в том неизведанном еще доселе страхе, которому я уже не мог воспрепятствовать. И вряд ли я мог сказать, было ли все на самом деле? Или быть может не было. Как не было и самого меня. И тогда совсем не страшно то, что происходило. Ибо, если начинаешь растворяться в страхе, то это уже не страх, а твое естественное бытие. То, что окружает тебя всегда.

Глава 31

Я продолжал осознавать, что мое сознание самым коварнейшим образом стало от меня ускользать. И вот сейчас думаю, что, наверное, совсем не может быть, чтобы этого не было раньше. Должно быть было. Наверняка было. И мне бы, наверное, придать этому значение раньше. Но... не углядел... Что наверное можно расценить как некую форму защиты: закрыть глаза на очевидное. Ведь как, иной раз, хочется пребывать в счастливом заблуждении. Словно ничего не происходит. Правда, предметы уж слишком часто перестраивают свой прежний ход. Но это так... в порядке вещей...

И чувствовал я, что мне не угнаться за временем. Впрочем, надо ли? Стоит ли вообще обращать внимание на нечто похожее? Разве плохо и далее пребывать в счастливом неведении относительно того, что происходит? И что так или иначе касается меня. Ведь, хочется верить, подобные странности относятся только ко мне. Но если я ошибаюсь? И за демоническим бегом - совсем не в состоянии разглядеть очевидное. Но тогда получается, это может означать что я просто схожу с ума. Перехожу в те измененные состояния сознания, которых старался всегда избегать.

Глава 32

Я не знаю. Порой мне кажется, что мое на миг прояснившееся сознание способно вытянуть меня из того мрака, в котором я нахожусь. Но потом наступает затишье. Затишье. И погружение в бездну. Что со мной? Способен ли хоть кто-нибудь сказать, что со мной? А могу ли я сам ответить на этот вопрос? Признаться самому себе, что с моим сознанием ничего страшного не происходит. А случившееся - лишь кратковременный сон, после которого наверняка будет пробуждение. Наверняка. Но я боюсь признаться, что это действительно будет так. Но тогда? Быть может тогда все наоборот? Я все время сплю, а те мгновения, в результате которых я обретаю способность восприятия окружающего мира, лишь кратковременные проблески сознания во мраке окружающей бездны? Не знаю. Я действительно не знаю. Ибо все те годы, которые живет во мне то, в чем я до сих пор не оставляю попыток разобраться, у меня проходят под знаком нависшей надо мной опасности немедленного разоблачения? Слово-то какое. Но если бы кто был способен хоть на доли мгновения испытать то, что достается мне. Быть может тогда бы понял он - каково достается мне, когда вся жизнь проходит в непредсказуемой по своим результатам, непрекращающейся борьбе. И поражение в этом поединке, - означает неминуемую смерть. Да, да, - именно смерть. Ибо допустить, чтобы окружающие усомнились в моей вменяемости, действительно означает для меня смерть. Ну, хотя бы потому, что я этого не переживу. И, вероятно, не захочу жить.

Нет. Не хотел бы я, что бы кому-нибудь досталось это проклятие, окутывавшее мозг и затуманившее сознание. И если честно - я не знаю, есть ли выход из этой проблемы.

Но это еще не конец. Это совсем не тот конец, совсем не то, которого бы я хотел. Которым бы я хотел закончить свое повествование. Потому что как такового - окончания того, о чем я пишу - совсем и не может быть. Ведь любое окончание - означало бы и прекращение жизни. Но разве так может быть - если я еще живу? Так быть не только не может, но и не должно. Потому что я еще должен успеть закончить то, о чем начал писать. И хоть я совсем отделился от своего изначального повествования, на самом деле - в некоем завуалированном виде - оно присутствовало все равно. И нужно просто правильно расставить акценты. Выделив главное. То главное, которого, по сути, быть совсем даже и не может. Потому как все время будет казаться мне, что это совсем не то, о чем я бы хотел сказать. Но и это все будет не совсем так. Потому что в этом случае это будет какой-то параллельный взгляд. А на самом деле, - все обстоит совсем даже иначе, чем это может казаться мне. Или вам. Или еще кому-нибудь. И уже в любом случае, это будет совсем не та правда, о которой мне, быть может, хотелось бы, чтобы узнали вы. Но наверняка это будет что-то, о чем мне очень хотелось поведать вам. И это видимо тот самый парадокс, каким парадоксом является и все мое существование. И быть может просто сейчас - совсем не обязательно, чтобы это становилось понятно самому мне. Ведь это как-то представляется очень важным для меня. Почему? Да все по тем же многочисленным причинам, которые я рассеял в своем повествовании. И это и есть та истина, к которой я стремился. И которую, видимо, все же я еще не нашел. Потому как если бы случилось так - то... то... то тогда зачем вообще жить?..

Сергей Зелинский

2015

© С.А.Зелинский. Аккорды опустошенности.